

A bronze bust of Scipio Africanus is the central focus. The right side of the bust is severely damaged, with large sections of the metal missing, revealing a dark, hollow interior. The left side of the face and the draped garment (paludamentum) are intact, showing detailed features and a circular brooch (fibula). The background is a misty, atmospheric scene of ancient Roman ruins, including columns and arches, under a sunset sky with warm, golden light. The overall mood is somber and historical.

Илья Хан

**Сципион Африканский.
Тень Ганнибала**

Илья Хан

**Сципион Африканский.
Тень Ганнибала**

«Автор»

2026

Хан И.

Сципион Африканский. Тень Ганнибала / И. Хан — «Автор»,
2026

Завершение трилогии о Сципионе Африканском, он выиграл всё свои битвы, но обнаружил, что победа не спасает от одиночества. Герой, который боролся с судьбой: с Карфагеном, с Ганнибалом, с собственным страхом. Судьба, которая оказалась сильнее, зависть вчерашних друзей, неблагодарность города, который он спас, глухое молчание тех, кто обязан ему всем. И выбор, который делает человек, когда у него остаётся только одно — достоинство. Не сдаться, не озлобиться, не превратиться в того, кем его хотят видеть. Уйти самому, а не быть выброшенным. Замолчать, когда все ждут оправданий. Оставить после себя пример того, как остаются собой, когда всё уже потеряно. Эта книга — о том, что античная трагедия не заканчивается смертью, она заканчивается тем, что человек выбирает, каким он войдёт в эту смерть.

Содержание

Глава 1. Когда приходят тени.	5
Глава 2. Божественное благословение и политические игры.	12
Глава 3. Скандал в Локрах.	20
Глава 4. Африканский Гамбит.	29
Глава 5. Пламя, увиденное с высоты.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Илья Хан

Сципион Африканский. Тень Ганнибала

Глава 1. Когда приходят тени.

Ducunt volentem fata, nolentem trahunt.
Желающего судьба ведёт, нежелающего – тащит.

Весной 204 года до н.э. Сицилия, подобно гигантской губке, впитав за год всю ярость, всю боль, всю надежду, теперь выжимала их обратно в виде энергии, готовой выплеснуться через Средиземное море. Армия Сципиона, его «легионы искупления», проходили боевое слаживание. Каждое движение, каждый бросок пилума, каждый удар щитом были доведены до автоматизма мышечной памяти, которая должна была сработать даже сквозь адскую динамику боя. Но сам Публий Корнелий Сципион, стоявший на самом краю длинного каменного мола в Мессане, чувствовал тревогу, несмотря на всю эту мощь. Он смотрел на юг, где небо сливалось с морем в мареве беспокойного майского дня. Публий не знал самого главного: настроений населения, хранят ли там верность Карфагену или уже есть трещины страха, обиды, жажды перемен. Сципион отправлялся в мир сложных, древних связей, клятв, предательств и племенной гордости. И перед этим миром его железные легионы могли оказаться беспомощными, как слон в лабиринте. Рядом с ним, облокотившись на грубо отесанный парапет, стоял Гай Лелий. Его лицо, обветренное морскими штормами, было спокойно, но в глазах, привыкших всматриваться в линию горизонта, читалось то же беспокойство.

—Мне они напоминают лук, —сказал Лелий, кивнув в сторону римского лагеря, откуда доносился гул тысяч голосов. —Тетива натянута, стрелы отобраны. Но мы не знаем, какая мишень ждёт нас за морем.

—Мишень сейчас одна, но мешает неопределённость. И наша задача —прежде чем послать, как ты сказал, стрелу, сначала высунуть голову из укрытия и осмотреться. Нам нужны глаза, которые увидят страх в глазах стражника, жадность в улыбке купца, ненависть в сердцах тех, кого угнетает Карфаген. И увидят, теплится ли ещё разведенный нами огонь в очаге, на который мы поставили слишком много.

Сципион повернулся к другу.

—Я не могу послать обычного командира. Мне нужен удар быстрый, точный, безжалостный, который обожжёт их ощущением, что их священная земля, куда не ступала нога римского солдата со времён Регула, перестала быть неприкосновенной. И в суматохе этого удара нужно попытаться найти ниточку, ведущую к Массиниссе, нам нужна его поддержка.

Лелий молча кивнул. Он давно перестал удивляться планам Публия.

—Я справлюсь с этим заданием, —сказал Лелий. —Отправлюсь на трёх кораблях, быстро и тихо. И если найду, где прячется Массинисса, я заставлю его выполнить обещание. А вместе мы найдём слабое место Карфагена и ткнём в него пальцем.

Сципион положил руку на плечо своего друга.

—Одобряю твой план, Гай. Но возвращайся целым и не рискуй без надобности, твои глаза мне нужны и здесь. Особенно на мостике флагмана, когда мы поведём всех в наш главный бой. Твой рейд должен стать нашим первым словом в диалоге, который мы начинаем с Африкой. И пусть это слово звучит гордо.

Корабли, вышедшие из Мессаны в безлунную ночь, были похожи на призраков. «Воздаяние», бывший карфагенский пентер —быстрое судно с чёрными парусами и зачехлёнными

вёслами, обёрнутыми кожей. Его сопровождали две либуры, «Эреб» и «Нюкс», названные в честь богов тьмы: низкие, длинные, способные развить бешеную скорость. На бортах было сто двадцать человек, отобранных за умение действовать в тишине и темноте: сицилийские греки, знавшие толк в ночных вылазках и морском abordage; несколько римских специалистов по бесшумному устранению людей; нумидийцы во главе с командующим Наравасом, чьи глаза видели следы даже на камнях и который хорошо знал местность и местных богачей.

План был дерзок. Публий и Лелий решили ударить по Гермейскому мысу. Здесь, среди оливковых рощ и виноградников, на плодородных землях, спасаясь от летней жары столицы, располагались загородные виллы знати – богатейших купцов и военачальников. Место считалось абсолютно безопасным. Флот Карфагена базировался севернее, гарнизоны были малочисленными, а сама мысль о том, что враг может пройти через всё море, чтобы атаковать именно здесь, казалась абсурдной. Эта иллюзия неприкосновенности и была мишенью. Путешествие заняло несколько дней. Днём они прятались в укромных бухтах Липарских островов, маскируясь под рыбацкие суда. Ночью шли на юг, ориентируясь по звёздам и почти сверхъестественному чутью Нараваса, который улавливал приближение африканского берега. На рассвете третьего дня на «Эребе» подали сигнал: три короткие вспышки замаскированного фонаря. Впереди была нужная земля.

–Запах полыни, дикого тимьяна и горячего камня, –прошептал Наравас подошедшему Лелию, втягивая воздух. –Это уже не Нумидия. Это земля, которую карфагеняне считают своей родиной. Берег обрывист, но в пяти милях к западу есть место, которое рыбаки называют «Бухтой спящих собак». Песчаная коса, пресный источник в скале и дорога, ведущая прямо к поместью Бомилькара; я знаю, что он поставляет вино для Совета ста четырёх и является крупным купцом. Говорят, у него лучшая библиотека греческих свитков к западу от Афин.

Высадка была совершена ночью. Либуры бесшумно причалили к пологому песку. Воины сошли, их тёмные одежды сливались с ночным берегом. Наравас повёл их в обход рыбацкой деревушки, где он бросил на улицу несколько кусков мяса, пропитанных соком мандрагоры и мака. Собаки, проглотив внезапно появившееся угощение, уснули практически мгновенно. Отряд двинулся вглубь, по старой тропе, петлявшей среди холмов, поросших кустарниками. Поместье Бомилькара открылось их взорам с рассветом. Белоснежные стены, портики с изящными коринфскими колоннами, мозаичные дворы с фонтанами, сады, где розы смешивались с африканскими алоэ. Ни высоких стен, ни башен. Лишь декоративная ограда и главные ворота, у которых несли вахту шестеро людей, гревшихся у костра. Охрана была устранена, а в одном из кабинетов был взят в плен и сам хозяин дома.

После того как поместье было полностью захвачено римлянами, Лелий приказал привести семью Бомилькара –жену, двух дочерей-подростков и маленького сына. Их привели в кабинет, испуганных, но не тронутых. Лелий усадил их в углу, под присмотром одного из своих людей, и повернулся к хозяину:

–Вот твой выбор, Бомилькар. Ты можешь проявить героизм, отказаться говорить с нами, и я уйду, оставив тебя с мёртвой семьёй и горящим домом. Или ты можешь ответить на несколько вопросов, и мы уйдём, взяв лишь то, что нам нужно. Твоя семья и ты останетесь живы.

Бомилькар сначала решил молчать, но все-таки сломался под видом дрожащих членов семьи.

–Я согласен на любые условия, говорите, что Вам нужно, –выдавил он.

Лелий начал свой допрос, спрашивая о том, что его интересовало больше всего: о чем говорят в совете ста четырёх? Кто кричит громче всех о необходимости отозвать Ганнибала? Силён ли теперь Гасдрубал Гискон после брака дочери с царем Сифаксом? Что думают о Сифаксе? Действительно ли он верный союзник? И слышал ли Бомилькар что-нибудь о Масиниссе?

Бомилькар, сначала запинаясь, потом всё более плавно, под давлением взгляда Лелия и тихого плача дочерей, выложил всё. Что Карфаген сейчас был расколот. Партия мира во главе с Ганноном, уставшая от войны, видела в Сципионе угрозу, которая требует немедленного устранения. Партия войны, ведомая Гасдрубалом Гисконом и другими военными, считала возможную высадку Рима в Африке блефом. «Пусть высаживается, – говорил Гискон. – Мы разобьём Сципиона, как Регула, и навсегда отобьём у Рима охоту совать нос в наши земли». Набор новых войск шёл туго, местные не хотели воевать, наёмники стоили дорого, а союзные нумидийцы Сифакса были ненадёжны, требуя всё новых выплат.

–Сифакс... –Бомилькар поморщился. –Опьянен своей властью, он поставляет конницу, но требует много золота, оружия и новых земель. Его воины грабят наших же купцов на дорогах.

–А что стало с Массиниссой?

Лицо Бомилькара стало презрительным.

–Он теперь изгой и бродяга. Говорят, скрывается где-то на западе с горсткой оборванцев. Сифакс охотится за ним, как за диким ослом. Карфаген пообещал Сифаксу голову Массиниссы в обмен на верность. Но на самом деле о нём не говорят особо, нет сильного интереса.

Лелий слушал, не проронив ни слова. Каждое слово Бомилькара было ценнее золота. Он теперь видел всю картину: империя, внешне могущественная, но изнутри подточенная страхом, жадностью, раздорами и самодовольством.

Узнав все, что нужно, Лелий отдал приказ. Его люди взяли с собой трофеи: серебряный сервиз с фамильными печатями, несколько изящных статуэток работы афинских мастеров, ящик с украшениями, ценные свитки, карты. Они не трогали рабов, не насиловали женщин, не убивали слуг. Перед окончательным уходом Лелий приказал вынести из кладовых все запасы оливкового масла и вина. Его люди облили ими главный портик виллы, колонны, резные двери.

–Когда тебя спросят, –сказал Лелий Бомилькару, уже стоявшему с семьёй на безопасном расстоянии, –скажи им: меня посетил Гай Лелий, легат Публия Корнелия Сципиона. Передай своим господам в совете, что Рим шлет им привет.

Он бросил в лужу масла зажжённый факел. Пламя вспыхнуло с густым чёрным дымом, мгновенно охватив белоснежные колонны, а отряд отступил в боевом порядке, уводя с собой несколько пленников. Они вернулись к лодкам так же тихо, как и пришли. Когда корабли отчалили, на берегу уже полыхало несколько пожаров. Чёрные столбы дыма, видимые за многие мили, поднимались к небу, словно гигантские погребальные костры. Уже потом, в кабинете в Сиракузах, Сципион выслушал подробный отчёт Лелия.

–Все отлично, Гай, ты ударил по их самолюбию. Теперь они будут спорить, начнут метаться, разбрасывать силы, не зная, где мы решим также ударить. Новости про Массиниссу тоже важны: значит, он еще жив, а это главное.

Поиск Массиниссы на территории врага был поручен Наравасу; тот был нумидийцем, знал язык и обычаи. Его миссия была опаснее рейда Лелия. Ему предстояло найти иголку в стоге сена, причём иголку, которая сама не хотела быть найденной. Наравас взял с собой двоих: Закара, старого воина, знавшего каждую тропу тех мест, и Мерку, молодого, ловкого парня, умевшего сливаться с местностью так, будто был частью пейзажа. Они переоделись в одежду странствующих торговцев амулетами и снадобьями –пыльные плащи, кожаные сумки, увешанные костями, сушёными травами и камешками. Их путь на запад был долгим и мучительным: они избегали портов и крупных селений, где могли быть агенты Карфагена или Сифакса, шли вдоль побережья, иногда заходили в мелкие поселения, чтобы купить еды у рыбаков и послушать разговоры. Наравас начинал беседы о погоде, об урожае, о старых временах, ловко подводя разговор к делам текущим. Он слышал обрывки: «Говорят, в горах Гарба появлялись всадники...», «У племени мусуламиев пропал скот, винят бродяг...». Он собирал эти кру-

пицы информации, как голодный собирает зёрна. Образ вырисовывался, хоть и смутный. Массинисса был где-то на западе, в пограничье между владениями Сифакса и дикими землями кочевников. Его отряд был мал, но подвижен: нападал на мелкие караваны Сифакса, добывая пропитание, и растворялся в степи. Охота за ним шла, но пока безуспешно.

Через три недели скитаний, когда запасы подходили к концу, а точный след так и не появился, они вышли к колодцу в каменистой долине, носившей зловещее название «Долина молчания». У колодца сидел слепой старик, такой же старый, как земля вокруг. Он напевал монотонную песню на древнем наречии, смысл которой уловил только Закар:

—Он поёт о царе, который потерял тень, и теперь тень ищет царя, чтобы снова стать целым.

Наравас подал старику еды и спросил, не знает ли старик о молодом вожде, как его можно найти. Старик коснулся руки Нараваса длинными, цепкими пальцами.

—Ты ищешь перо, которое унесено ветром.

—Ты знаешь, где искать это перо? —тихо спросил Наравас.

—Жди здесь: когда солнце будет прямо над скалой, придёт тот, кто тебе нужен.

Они остались ждать, день был палящим, солнце медленно ползло по небу. Ровно в полдень из-за скал выехали три всадника. Их одежда была бедной, но сидели они в сёдлах уверенно.

—Кто вы такие, что вам нужно в нашей долине? —крикнул один из всадников.

—Мы торговцы, —ответил Наравас, поднимая руки и показывая, что в них нет оружия, — ищем целебные травы, что растут только в таких местах. А ещё мы пришли петь старую песню. Песню о том, как орёл и дикий конь давали клятву под чужими звёздами.

Это был специальный шифр, который договорились использовать Сципион и Массинисса. Глаза всадников сузились, они резко развернули коней и умчались. Ожидание длилось несколько часов. Наравас и его люди сидели неподвижно, солнце уже клонилось к закату, когда вдаль показалась пыль. Из ущелья выехал новый отряд из двадцати человек. Они двигались плотной группой, и в их середине ехал всадник на высоком, хотя и исхудавшем гнедом жеребце.

Наравас замер: по описанию от Сципиона он понял, что это Массинисса. Его лицо, когда-то привлекательное и гордое, было обветрено, опалено, губы были сжаты в тонкую, жёсткую линию. Волосы, некогда тщательно уложенные, были спутаны и покрыты пылью. Но глаза горели яростным, безумным светом загнанного волка, который уже перестал бояться и теперь только ждёт шанса вцепиться кому-нибудь в глотку. На шее у него висела тонкая золотая цепь с амулетом в виде львиной головы. Массинисса подъехал вплотную. Его взгляд скользнул по Наравасу.

—Кто ты такой, тебя прислал Сципион?

—Да, мой царь, —Наравас хотел опуститься на одно колено, но Массинисса резким движением руки остановил его.

—Не надо преклонять колена, сейчас я не похож на царя. Встань, говори, зачем ты здесь.

—Мой господин, римский консул Публий Корнелий Сципион, прислал меня с вестью.

Наравас вынул из-за пазухи железный перстень и протянул его. Массинисса взял кольцо. Его пальцы сжали железо так, что костяшки побелели. Он долго смотрел на знакомый знак, потом поднял глаза, в которых появилась надежда.

—Что он велел передать?

Наравас повторил фразу, переданную Сципионом: «Орёл помнит клятву, данную под испанской луной. Он летит, но готово ли гнездо?»

Массинисса отвернулся, глядя на пылающий африканский закат, окрашивавший скалы в цвета крови и меди. Его плечи под тонким плащом слегка вздрогнули.

–Нет, гнездо разорено, Сифакс выгнал нас и растоптал. Мои воины, подкупленные карфагенским золотом и испуганные их силой, разбежались или перешли к узурпатору. Мои земли сейчас под управлением другого, стада угнаны. Со мной только те, кого ты сейчас видишь, ещё горстка, что прячется в пещерах в горах Гарба. У нас нет ни царства, ни армии, только истёртые в кровь ноги, пустые желудки и мечи, которые уже затупились о кости предателей. То, что орёл летит, –конечно, прекрасно, но куда он сядет? Здесь пока только пепелище.

–Консул Сципион говорит, что его орёл летит, чтобы помочь построить новую жизнь из пепла и камней. Он спрашивает, когда высадится, найдёт ли он в тебе союзника?

Массинисса резко обернулся. В его глазах вспыхнула гордость.

–Я –Массинисса, сын Галы, царь нумидийцев, моё право на трон дано мне предками и подтверждено богами. Сифакс –шакал и сын пастуха, вознесённый благодаря карфагенским интригам. Он купил свою власть золотом и удерживает её тем же. Да, сейчас у меня за душой лишь пыль и жажда мести. Но если римлянин даст мне знамя, если он даст мне клочок земли, куда смогут прийти те, кто ещё помнит имя Массиниссы, если он даст мне оружие для моих людей –я соберу такую конницу, перед которой задрожат карфагенские жирные купцы и сам Сифакс со всеми его наёмниками. Я знаю каждую тропинку в этих степях. Я знаю, где Сифакс силен, а где слаб. Я знаю, как бить его. Но мне нужен плацдарм, нужен знак, что Рим не предаст меня потом, когда я стану ему не нужен.

Он соскочил с коня и подошёл к Наравасу вплотную.

–Скажи Сципиону, пусть высаживается. Пусть бьёт карфагенян где захочет. А я буду его глазами и ушами. Я приведу к нему конницу. Сначала немного, но лучшую, что есть. И когда Публий встретится с Сифаксом лицом к лицу, я буду рядом. И мои всадники будут там. И мы покажем этому старому шакалу, что значит гнев законного царя. А потом, когда Сифакс падёт, нумидийский трон будет союзником Рима, он будет его мечом в Африке навсегда. Это моя клятва Риму.

Он выхватил свой кинжал и, не моргнув, провёл им по ладони. Тёмная кровь выступила и закапала на песок. Он сжал окровавленную руку в кулак над перстнем, который всё ещё держал в другой руке, так что несколько капель упали на железо.

–Вот моя кровь как залог, пусть Сципион верит ей. Ибо слова ветер уносит, а кровь впитывается в землю.

Наравас поклонился, взял окровавленное кольцо и, не проронив больше ни слова, повернулся к своим людям. Они ушли так же тихо, как и пришли, оставив Массиниссу стоять у колодца с окровавленной рукой и горящими глазами.

Обратный путь занял меньше времени. Наравас вёз бесценный груз, знание о союзнике, загнанном, но не сломленном хищнике, чья ярость могла стать разрушительным ураганом для врагов Рима.

В Сиракузах его доклад Сципиону длился до рассвета. Наравас передавал интонации, паузы, взгляды, дрожь в голосе Массиниссы. Он отдал окровавленный перстень. Сципион долго сидел молча, перекатывая железное кольцо в пальцах, ощущая шероховатость засохшей крови.

–Загнанный зверь –самый опасный вид врага. Сифакс совершил роковую ошибку, что не добил его. Он оставил тлеющие угли в степи. И теперь нам нужно лишь раздуть их в пожар, который спалит и Сифакса, и карфагенские иллюзии о прочности своего тыла. –Он поднял взгляд на Нараваса. –Ты выполнил всё, что от тебя требовалось, теперь нам нужно будет помочь Массиниссе стать тем, кем он должен быть –царём Нумидии.

Пока Наравас пробирался через нумидийские степи, а Лелий укреплял флот, в Сиракузы под видом торговца оливковым маслом прибыл человек по имени Аристоним, грек с Крита, старый знакомый Публия по делам ещё испанских времён. Он был явно напуган и потребовал

немедленной, строго конфиденциальной встречи с консулом. Его ввели в тот же самый кабинет с картами, где Сципион принимал донесения разведчиков. Аристоним, человек коренастый, с умными, беспокойными глазами, огляделся, как бы проверяя, нет ли посторонних, и лишь затем вынул из-под хитона плоский, обтянутый тонкой кожей футляр.

—Консул, меня попросили передать это тебе лично в руки.

Сципион взял футляр. Кожа была тонкой, дорогой, с уловимым запахом восточных благовоний. Он открыл застёжку. Внутри, на шёлковой подкладке, лежал свёрнутый в тугой свиток пергамент высочайшего качества. Он был перевязан тонкой пурпурной лентой и запечатан большим, массивным оттиском из тёмно-красного воска. Сердце Сципиона, обычно не знавшее страха, на мгновение дрогнуло. Он узнал печать: лев, держащий задними лапами извивающуюся змею. Герб Сифакса, царя западной Нумидии, обладателя самой грозной конницы. Того самого Сифакса, который когда-то клялся в дружбе Риму и даже принимал у себя самого Сципиона, тот Сифакс, который теперь был зятем Гасдрубала Гискона и верным псом Карфагена. Публий сломал печать. Воск раскрошился с хрустом. Развернув пергамент, он увидел изысканный греческий почерк. Письмо было составлено безупречно, с риторическими оборотами, достойными греческих учёных.

«Сифакс, царь Массасилов и Масесилив, властитель западных земель от великого моря до песков, тому, кто именует себя Публием Корнелием Сципионом, консулом римлян. До слуха Нашего, всегда внимающего голосу рассудка и шёпоту судьбы, дошли неясные пока, но тревожащие слухи. Будто бы ты, в плену юношеской горячки и ослеплённый мишурным блеском испанских успехов, замыслил величайшее из безрассудств —повести свои корабли к берегам Африки, что есть Наша земля и земля Нашего верного союзника и друга, Великого Карфагена. Пишем Мы тебе не как враг, ибо врагам не пишут писем, врагам показывают остриё копья. Пишем, как властитель, сведущий в делах войны и мира, и как муж, не желающий лишнего кровопролития под Нашим солнцем. Вспомни, сын Рима, участь предшественника твоего, Марка Атилия Регула. Его гордыня была столь же высока, его армия столь же сильна. И где он сейчас? Его кости, обглоданные шакалами, белеют в наших песках, а имя его стало синонимом глупости. Африка —не Италия. Её солнце выжигает чужеземные надежды дотла. Её пески скрывают без следа целые армии. Её народы верны своим древним царям и богам, а не пришлым знамёнам. Наши всадники, дети степей, многочисленны, как песок в песчаной буре. Их копья острее, их кони быстрее ветра. Наша дружба с Карфагеном скреплена теперь узами крови —кровью первой брачной ночи Нашей любимой супруги, дочери Гискона. Она нерушима. Высадка твоя, если ты посмеешь её совершить, будет не подвигом, что воспоют поэты, но самоубийством, о котором будут шептаться в страхе. Ты погубишь не только себя, но и тысячи тех, кто по глупости или по долгу последует за тобой в бездну. Посему предлагаем Мы тебе, пока не поздно и пока Наше терпение не иссякло, оставить свои безумные замыслы. Останься на Сицилии, чьим разумным правителем, как слышали Мы, ты успел стать. Или же вернись в свой Рим. Пусть море останется нерушимой границей и стеной между миром твоим и Нашим. Если же ты, ослеплённый гордыней, отвергнешь этот Наш дружественный совет и ступишь на африканский берег, знай и помни: ты обретёшь в Нас самого непримиримого и беспощадного врага. И на сей раз Мы позаботимся о том, чтобы ни один римлянин не ушёл живым, дабы даже тени ваши не оскверняли Нашу землю».

Далее следовали сложные нумидийские и карфагенские датировки, полный титул Сифакса. Сципион дочитал и опустил пергамент на стол. Сифакс не обращался к Риму. Он обращался к нему лично, подчёркивая его горячку и блеск прошлых побед. Он предлагал унизительную капитуляцию под видом дружественного совета, играл на страхах любого римского командира —на судьбе Регула, на ужасе забытой смерти в чужих песках. Он демонстрировал полное единство с Карфагеном, разбивая любые надежды на раскол союза. И делал это с таким высокомерием, что кровь стыла в жилах. Но самое опасное было не в словах, а в самом суще-

ствовании такого письма. Если весть о нём просочится, и солдаты узнают, что могущественный царь, чья конница может стереть их в порошок, окончательно принял сторону Карфагена, и, если сенат в Риме получит копию, всё может рухнуть. Пока слухи о союзе Сифакса и Карфагена доходили, но оставались неподтверждёнными официально. Армия, чей дух держался на хрупком балансе надежды и ярости, могла дрогнуть, а политические враги Сципиона получили бы новое оружие. Лелий, срочно вызванный Публием, тоже прочёл письмо.

—Это катастрофа, Публий. Значит, Сифакс теперь официально угроза: он полностью подчинился Карфагену и заявляет всем об этом.

—Я вижу это, сомнений больше нет, но никто не должен о нём узнать. Ни трибуны, ни центурионы, ни легионеры, и не сенат. Ты понял меня, Гай? Этого письма не было.

—А как же Аристоним? Возникнут вопросы, зачем он здесь. И это официальное письмо о позиции царя, мы должны уведомить сенат.

—Аристоним остаётся здесь как почётный гость. В самом комфортабельном и самом охраняемом покое дворца. На всё время подготовки и высадки. Он получит щедрую компенсацию, а это... —Сципион взял пергамент, подошёл к небольшой бронзовой жаровне, где тлели угли для разогрева воска для печатей. Не колеблясь, поднёс уголок документа к огню. Пергамент сморщился, почернел, вспыхнул жёлтым пламенем. Огонь побежал по изысканным строчкам, пожирая угрозы, высокомерие, весь этот яд. Сципион держал горящий свиток, пока пламя не опалило ему пальцы, затем бросил остатки в жаровню. Через мгновение от послания царя Сифакса осталась лишь кучка пепла.

—Этого письма не было, —повторил он, сдувая серый порошок с ладони. —Сифакс теперь верный пёс Карфагена. Мы будем исходить из этого. И наша задача —найти способ сломать этому псу хребет и заменить его на более сговорчивого и благодарного пса. Наравас принёс нам для этого нужный ключ. Сифакс только что подтвердил, в какую скважину этот ключ нужно вставить. Он показал свою главную слабость: самоуверенность. Он так уверен в своей силе и в нашем страхе, что даже не считает нужным скрывать свою позицию. Он думает, что его угроза парализует нас. И он ошибается. Она лишь показывает, как сильно он боится нашего появления. Боится за Карфаген и за свой трон. Потому что там, в степях, бродит живое напоминание о том, что его власть —узурпация. Мы воюем не только с Карфагеном, Гай. Мы воюем теперь и за нумидийское наследство. И у нас есть свой претендент. Изгнанный, окровавленный, но с царской кровью и с мечтой о мести в сердце. Это наша настоящая игра, и мы должны выиграть её.

Глава 2. Божественное благословение и политические игры.

Quot homines, tot sententiae.
Сколько людей, столько и мнений.

За несколько месяцев до отплытия Публия Сципиона в Риме происходила своя внутренняя война. Холодный ветер с Тибра врывался в узкие щели между храмами и базиликами, свистел на семи холмах, выгоняя последних торговцев с опустевшего к вечеру Форума. Здесь витал новый оттенок жизни под названием «надежда». Наступил мир с Македонией. В Курии, где от дыхания сотни собравшихся сенаторов на сводах выступали капли, консул Семпроний Тудитан поднимался с кресла.

—Сенаторы, я возвращаюсь к вам с новостями о передышке. Посольство наше, претерпевшее и бури на Адриатике, и козни пиратов, и неверность союзников, достигло наконец царской ставки Филиппа в Деметриаде. Царь македонский, чья ярость в Иллирии обожгла наши границы, чьи послы тайно общались с Карфагеном, принял нас с почестями.

По залу прокатился приглушенный шорох шерстяной одежды и скрип дерева. Многие невольно выпрямили спины. То, что с почестями, —это уже были хорошие новости.

—Долгие дни мы вели переговоры. Мы напоминали о дружбе времен Пирра. Мы указывали на изменчивость карфагенской удачи. Мы слушали его угрозы. Но Филипп V —прагматик. Он видит, что Ганнибал застрял в Бруттии, как волк в капкане. Он чувствует, как зашевелились за его спиной этолийцы, пергамцы и родосцы, почуяв нашу неисчерпаемую стойкость. И он сделал свой правильный выбор.

Тудитан развернул перед собой свиток.

—На условиях отсутствия контрибуций. Без территориальных уступок с обеих сторон. Филипп признает Иллирию сферой влияния Рима. Он обязуется вывести флот из Адриатики. И он прекращает все контакты, прямые и косвенные, с нашим врагом, Ганнибалом, сыном Гамилькара. Что означает, что угроза войны на два фронта снята. Гидра Карфагена лишилась одной из своих голов. Македония выходит из игры.

Старый сенатор Марк Помпоний Матон, потерявший в Каннах всех трех сыновей, тихо, по-детски, всхлипнул. Кто-то громко выдохнул: «Слава богам». Кто-то ударил ладонью по колену. Квинт Фабий Максим, сидевший в первом ряду, недвижимый, как скала, лишь медленно закрыл глаза, и его веки задрожали. Эта новость была освобождением от кошмара, длившегося уже очень долго, от необходимости каждый день ждать вести о новом вторжении с востока. Это была возможность наконец перевести дух.

В тени ниши стоял Луций Корнелий Сципион, недавно вернувшийся из Испании, где он представлял интересы семьи, а теперь вызванный сенатом с докладом в Рим. Его лицо с правильными чертами, с упрямым подбородком и высоким лбом, казалось, не выражало эмоций. Он не улыбался новостям, его взгляд скользил по сенаторам, выхватывая облегчение на одних лицах, усталость —на других, а на иных —самодовольную апатию, расслабленность. Вот этого он и боялся —этого покоя Рима, который, сбросив одну гирю, тут же готов прилечь отдохнуть, зализать раны и забыть, что главный враг еще жив, еще дышит ядом под боком, в самой Италии. На его плечах сейчас был тыл и сенат, пока Публий готовил армию к отчаянному броску, и Луций чувствовал эту ответственность и груз.

«Они устали, —думал Луций, слегка постукивая костяшками пальцев по мраморной колонне. —Они хотят мира и готовы цепляться за этот клочок земли от царя Македонии, как утопающий за соломинку. Они разучились мечтать о большем».

План Публия ударить по самому Карфагену и без того встречал сопротивление. Фабий и его сторонники твердили о рисках, о непредсказуемости моря, о силе карфагенских стен. А теперь, с миром на востоке, их аргументы станут сильнее: «Зачем лезть в драконово логово, когда можно отсидеться, отгородиться, отстроиться?» Этому мышлению крепости, этой психологии осажденных нужно было противопоставить нечто большее, чем стратегические выкладки. Нужна была новая идея, которая увлекла бы за собой сонную волю сената и потухшие сердца граждан.

Идея, как это иногда бывает с гениальными идеями, родилась не в голове человека. Она выползла из сумрака храмов, из дыма жертвенных алтарей, из шепота авгуров, разглядывающих печень белых телят. Она пришла из царства богов. Неделей ранее, на заседании коллегии понтификов в Регии, главный децемвир, Луций Валерий Флакк, огласил результаты многомесячного изучения Сивиллиных книг. Собрание было тайным, но вести, особенно такие, просачиваются сквозь стены быстрее мыши. Флакк заявил, что знамения, преследующие Рим, не случайны. Кровавый дождь в Пренесте, волчица, ошенившаяся на священном камне у подножия Капитолия мертвыми щенками, молния, расколовшая щит на груди у статуи Юпитера, – всё это звенья одной цепи. Ганнибал, по мнению жрецов, был не только гениальным полководцем, но и орудием самого Баал-Хаммона, требующего от него жертв. И пока эта нечистая сила не будет изгнана, пока ей не будет противопоставлена могущественная защита, военное счастье будет изменчиво.

–Для окончательной победы и очищения Италии от скверны чужеземного бога, – сказал Флакк, –Риму нужна новая покровительница. Мать, богиня Кибела, чей культ идет со священной горы Иды во Фригии. Её священный черный камень, упавший с небес в незапамятные времена, хранится в Пессинунте. Этот камень – её тело, её суть. Пока он не будет привезен в наш город, положен в самом сердце Рима и не будет получать надлежащие почести, тень карфагенского полководца не отступит от наших стен. Так говорят книги, а значит, такова воля богов Рима.

Сенат, наученный за годы бедствий трепетно внимать голосу жрецов, воспринял это без особого энтузиазма, но и без возражений. Еще один восточный культ их не особо пугал, лишь бы помогло. Но Луций, узнав о пророчестве от своего человека среди децемвиров, придумал, как этим воспользоваться. В тот же вечер в их доме на Палатине собрались его ближайшие сторонники.

–Итак, они хотят молиться черному булыжнику, –с усмешкой произнес один трибун по имени Марк, разминая затекшую на холоде руку, –думают, что кусок метеорита сильнее ума Ганнибала. Эти жрецы –как дети, верующие в сказки.

–Они верят в силу, –поправил его Луций, стоя у небольшой карты Италии, где он водил пальцем вдоль берега, –а народ верит этим жрецам. Народ изнурен, ему нужен знак, явное, зримое, осязаемое вмешательство богов на нашей стороне. И мы дадим ему этот знак и обернем его в наши цвета. Наша главная задача сейчас –дать Публию время на подготовку армии, а эта история с камнем может хорошо отвлечь сенат и народ Рима. И мы должны быть в центре всего. Мы исполним волю децемвиров, возглавив её. Мы превратим перевозку камня в священную процессию для подготовки к великому очистительному походу против Карфагена. А затем экспедиция Публия в Африку станет логическим, богоугодным завершением этого обряда. Мы идем в Карфаген как служители и защитники Великой Матери, чтобы вырвать корень зла, поразившего её сад – Италию. Наше оружие освящено её волей, а наше дело – её дело.

Он обвел взглядом присутствующих.

–Кто в сенате тогда осмелится сказать, что флот для вторжения в Африку – это слишком дорого? Кто скажет, что легионы нужнее здесь, для обороны, когда сама Мать указывает нам путь к сердцу врага? Мы прикроем военную необходимость религией.

Молодой чиновник сказал сквозь зубы:

– Это будет кошунственно, Луций.

– Спасение Рима не может быть кошунственным. Но только нам нужен будет ключевой персонаж, достойный, чистый, героический муж Рима, который лично отправится за камнем и привезет его в город. Я предлагаю своего двоюродного брата Назику. Его репутация безупречна, он не лезет в политику, храбрый воин, не запятнавший себя грабежами и жестокостью в испанской кампании. С годами он стал ярым верующим в богов, божественную силу, в их волю. Набожный, молодой, красивый, полный римской чести. Его отец тоже погиб героической смертью в Испании. Ну и для нас главное, что он тоже Корнелий, а значит – кровь нашей же семьи.

– А он согласится? Насколько я помню, Публий оставил его старшим в Новом Карфагене, и он не спешит оттуда возвращаться, – спросил тот же чиновник.

– Он должен согласиться, это его долг перед семьей и перед Республикой. А кроме того, – тут голос его смягчился, в нем появились почти отеческие нотки, – Назика верит в божественную волю, искренне, глубоко. Это будет его крестовый поход. И его искренность заразит тех, кто не верит нам, но поверит ему. Его чистота станет нашим сильным аргументом.

Церемония выбора «лучшего мужа Рима» для этой миссии была назначена сразу же после срочного вызова Назики из Испании. Форум, несмотря на пронизывающий ветер, был загружен. Люди толпились на ступенях базилик, карабкались на пьедесталы старых памятников, заполнили каждую лавку, каждый закоулок. Они пришли увидеть чудо человеческого совершенства, указанного самими богами. Назика стоял в группе знатных юношей, чувствуя себя неловко: ему больше нравилось работать мечом, чем участвовать в таких мероприятиях. Его одухотворенное лицо, с большими, печальными глазами и мягким ртом, было бледно. Он ненавидел публичные мероприятия. Его вера была делом интимным, как разговор с отцом в тишине домашнего атрия. Он видел, как его двоюродный брат Луций Сципион, облаченный в тогу, перешептывается с Клавдиями, сенаторами из своей дружки. Сердце Назики сжалось от предчувствия. Он любил и уважал своих двоюродных братьев: Публия – как полководца, способного переломить ход войны, и Луция, который умело вел дела семьи здесь, в отсутствие Публия. Их восхищали политические маневры в этой хитрой игре взглядами, в умении обернуть любую ситуацию себе на пользу. Для Публия религия, государство, семья – всё было частью великой игры, где ставка – власть. Для Назики это было частью великого порядка, установленного богами, где ставка – его собственная душа.

Верховный понтифик, Луций Корнелий Лентул, дальний родственник Назики, начал древний обряд. Привели белого, без единого пятнышка быка. Фламины окружили его, блеснул нож. Животное рухнуло на подстилку из соломы. Гаруспики, этруски с загадочными лицами, вскрыли тушу и извлекли печень. Долго, с важным видом жрецы, знающие тайный язык внутренностей, изучали ее форму, оттенки, борозды. Народ замер, затаив дыхание. Наконец, главный децемвир Флакк поднялся на возвышение и взял рупор:

– Боги внемлют, знаки прочитаны. Юпитер ясно указывает на того, в чьи руки должен быть вверен священный камень Великой Матери, чье прибытие очистит землю Италии. Имя его – Назика Сципион.

Все взоры, тысячи глаз, устремились на Назику, побледневшего так, что казалось, на его лицо насыпали пепла. Все получилось идеально: Корнелий, герой, не запятнанный политикой, чистый, благочестивый, получил эту миссию. Луций сделал шаг вперед, подошел к Назике, взял его за плечи и обнял.

– Рим и семья гордятся тобой, брат, – произнес он громко, звучно, так, чтобы слова долетели до самых дальних рядов.

В его объятиях Назика почувствовал скрытое торжество человека, чей план удался. Его собственная вера, его чистота, его репутация – всё это стало разменной монетой в грандиозной политической комбинации. В горле встал ком, но долг был долгом: перед богами, указавшими на него, перед семьей, перед Римом. Он кивнул, сделал шаг вперед, поднял руку в приветствии народу, и толпа взревела, и этот рев был подобен реву океана, сметающему все сомнения. Через некоторое время в небольшом, но богато украшенном храме на Палатине, куда уже начали стекаться пожертвования для будущего святилища Великой Матери – слитки серебра, драгоценные камни, – к Луцию подошел человек, которого в Риме знали немногие, но чье влияние простиралось далеко за пределы Италии. Это был Праксидем, грек-изгнанник, философ-стоик, тонкий знаток восточных культов, астролог, историк и один из самых ценных информаторов Сципиона в Греции. Праксидем был невысок, сутул, с умным, ястребиным лицом и живыми, пронизательными глазами. Он носил греческую хламиду, но тонкость полотна и изящная пряжка говорили о достатке.

– Я слышал, что это лично ты проделал такую прекрасную работу, Праксидем, – сказал Луций, откупоривая небольшую амфору с фалернским вином столетней выдержки. – Филипп действительно поверил, что Рим, получив по зубам в Каннах, навсегда смирился с его гегемонией в Эгейском море?

Грек принял серебряный кубок с изящным кивком.

– Он поверил в то, во что хотел верить. Что Рим лишь исполин на глиняных ногах, истощенный до предела, способный лишь судорожно цепляться за Италию. Он поверил, что у вас нет ни сил, ни воли для войны на два фронта. Мир с ним сейчас для вас – нужная отсрочка. Филипп будет с упоением вгрызаться в свои дела, грызться с другими, интриговать, пока Публий не причалит к самому берегу Карфагена. А потом он не решится ударить в спину, когда легионы Рима будут у стен Карфагена. Вы получили свой спокойный тыл. А я, – он отхлебнул вина, прищурившись от удовольствия, – я получил ваше покровительство, право считать себя другом Рима и место в будущей, более просвещенной, как я надеюсь, римской администрации на Востоке.

– Всё получает тот, кто верно служит Риму, – формально, но без тени лицемерия произнес Луций, чокаясь с ним. Это был деловой разговор двух людей, прекрасно понимающих цену услуг и награды. – А теперь о главном, для чего я тебя позвал. Об этом камне. Что это, Праксидем? Действительно ли в этом булыжнике заключена сила?

Праксидем рассмеялся.

– Сила, о мой римский друг, заключена не в камне, а в вере в него. Для фригийских жрецов, оскотивших себя во имя этой богини, – да, это воплощение силы, нерушимое ядро. Но для твоих сограждан, для твоих легионеров это будет символом того, что боги Рима сильны и добры. Боги разрешили призвать на помощь защитницу Востока, которая теперь будет на вашей стороне. Вы привезете в Рим новую гарантию божественного покровительства. Это гениально: то, что это сделает избранник богов, случайно тоже из вашего рода.

Луций помрачнел, оставив кубок.

– Он искренен, Праксидем, в своей вере и может не понять всех нюансов политической игры. Он может сломаться под тяжестью этой роли.

– Тем лучше, искренность – дорогой и самый неуловимый товар на рынке политики. Её нельзя подделать надолго. Народ, толпа чувствуют фальшь за милю. Пусть он несёт этот камень с благоговением фанатика. Народ это почувствует кожей. И они благословят тебя и Публия за твоё великодушие и скромность, за твою помощь столь достойному мужу исполнить великую миссию. А Публий в это время, чистый от религиозной риторики, будет набирать легионы, готовить корабли, ковать мечи.

Их беседа продлилась далеко за полночь. Они обсуждали детали: логистику перевозки огромного метеорита (его вес, по слухам, достигал пяти тонн), какие чиновники и жрецы Пес-

синунта нуждаются в подкупе, а какие – в угрозах; сочиняли тексты воззваний, которые должны были распространять глашатаи в городах по пути процессии. Каждый шаг был просчитан, каждый жест отрететирован. Религия превращалась в науку управления массами. Назика же, вернувшись домой, погрузился в подготовку. Его атрий, обычно оживленный голосами, теперь напоминал келью аскета. Он велел убрать все украшения, кроме изображений ларов и пенатов. Целые дни он проводил, склонившись над свитками, выписывая особенности культа, правила почитания священного камня. Он постился, питаясь лишь хлебом, оливками и водой, совершал ежедневные жертвоприношения Юпитеру и Великой Матери, мысленно взывая к ней.

Его жена, умная женщина из рода Друзов, с тревогой наблюдала за мужем. Она видела, как исчезает его обычная, мягкая задумчивость, сменяясь напряженной сосредоточенностью.

–Я думаю, ты должен ехать с целой армией, –говорил ему Луций на очередном семейном совете в доме их общего дяди, старого и хитроумного Гнея Корнелия Лентула. Поместье Лентула славилось своими фресками и коллекцией греческих ваз, но сегодня их красота казалась Назике пошлой и чужой.

–Нет, это будет слишком театрально, –возразил Назика, глядя на свои руки. –Это похоже на триумфальную процессию, а не на смиренную миссию просителя. Богиня –сила природы, дикая и величественная. Она не нуждается в пурпуре и позолоте, её сила –в простоте земли, в мощи камня.

–Брат, народ должен видеть славу, которую мы воздаем богине. И славу Рима, который удостоился её прибытия. Ты везёшь наше спасение, зримое и осязаемое. Это должно быть зрелищем, которое запомнят на века. Которое внушит уверенность.

–И которое принесет славу нашему дому, –буркнул, не поднимая головы от чаши с вином, старый Лентул. –Не прикидывайся простаком, Назика, ты умён, ты всё понимаешь. Ты из молодых самый религиозный в семье. И теперь весь Рим, вся Италия это увидит. Один Сципион, сильнейший полководец, сокрушает врагов в битвах. Другой Сципион спасает Рим в Италии, принося божественное благословение. Корнелии станут столпами Республики и её стеной. И ты должен понимать: всё это мы делаем не ради себя, семьи, всё только ради победы Рима.

В день отъезда в Остию, на пороге дома Назики появился неожиданный и нежеланный гость. Его слуга, испуганный, доложил: «Марк Порций Катон просит аудиенции». Яростный плебей из Тускула, прославившийся своей бережливостью и лютой ненавистью ко всему греческому, изнеженному и восточному. Он был живым антиподом и открытым врагом Сципионов и всего их круга –изнеженных, по мнению Катона, эллинофилов. Назика велел впустить его, но Катон уже вошел, не дожидаясь приглашения.

–Я пришёл не благословлять тебя, Назика, на поездку, а пришёл предупредить, пока не поздно.

–Предупредить о чём? –холодно спросил Назика, оставаясь сидеть.

–О том, что ты везешь в Рим чуму. Этот дикий культ с его жрецами-евнухами, с их бубнами, с их плясками под покровом ночи. Это противоречит всему, на чём стоит Рим. Противоречит нашим обычаям предков. У нас есть свои боги –суровые, честные, римские. Юпитер, Марс, Минерва. Они не требуют самооскопления и диких вакханалий. А вы, Сципионы, играете с адским огнём, хотите ослепить чернь и сенат мишурой восточного суеверия, чтобы прикрыть этим свои личные, ничем не обузданные амбиции.

–Я служу Риму так, как мне указали это делать боги через уста законных, избранных жрецов-децемвиров, хранителей Сивиллиных книг. Ты ставишь под сомнение волю сената и коллегии понтификов? Этот камень не враг богам Рима, а новый союзник.

–Эти жрецы говорят голосами греческих шарлатанов вроде того циника Праксидема, что вертится вокруг Вас, и голосами честолобцев, которые читают в потрохах размеры взяток. Помни мои слова, Назика, запомни их навсегда: этот твой черный камень станет троянским конём. Из него, из этого святилища, выползет в наш город разврат, сумасшествие, изнежен-

ность и поклонение власти одного человека, прикрытой божественным правом и особой милостью восточной богини. Ты станешь невольным соучастником осквернения всего, за что ты, как мне известно, искренне стоишь – древней римской доблести, простоты, республиканского духа. И я не забуду вам этого и сделаю всё, чтобы власть Сципионов в Риме закончилась навсегда.

Он говорил с такой силой убеждения, с такой мощью, что слова его, словно раскаленные гвозди, вонзались в сознание Назики. В них была горькая правда, которую он сам боялся себе признать. Катон видел ту же механику, но оценивал её с противоположного, морального полюса.

–Наша республика, Катон, может не пережить эту войну, если мы не найдем новых сил. Пусть даже эти силы будут с Востока.

–Лучше честная смерть, чем спасение через осквернение.

Катон резко развернулся и вышел, хлопнув тяжелой дубовой дверью так, что задрожали ставни. Слова гостя долго звенели в тишине атрия. Назика стоял, опустив голову, чувствуя, как почва уходит у него из-под ног. Он был разорван пополам: долгом перед семьей и сомнением, верой и рассудком. Но путь был выбран, корабли ждали в Остии.

Путешествие в Пессинунт и обратно заняло долгих четыре месяца, превратившись в эпическое странствие, обраставшее легендами на каждом этапе. Флотилия, возглавляемая Назикой, миновала Сицилию, где готовился к войне Публий Сципион, обогнула мыс Малю, где ветра и течения проверяли на прочность и корабли, и души моряков, и вошла в бурные воды Эгейского моря. Назика вел дневник куда записывал события и свои мысли: «Видел Делос, центр мира. Ничтожно мал, чтобы быть пупом земли. Видимо, боги ценят не размер, а чистоту. Интересно, обретёт ли Рим такую же чистоту или он слишком велик и грязен для этого?»

Они бросили якорь у Троады. Назика сошел на берег, чтобы принести жертву теням героев. Стоя на ветреном холме, глядя на равнину, где, по преданию, сражались Ахилл и Гектор, он думал о Ганнибале. «Мы все повторяем пути мифов, – записал он. – Только боги стали тише, а ставки – выше». Наконец, они добрались до Галатии, дикой области в сердце Малой Азии, где правили свирепые племена, нанятые местными царями в качестве наемников. Пессинунт лежал в горной долине, и его главное святилище Кибелы было одним из богатейших в регионе. Жрецы-галлы, так называли кастрированных слуг богини, встретили римское посольство торжественно. Переговоры о даре камня были долгими и сложными. Жрецы ссылались на древние пророчества, на волю богини, на опасность ее гнева. Назика, следуя инструкциям Луция, подкрепленным щедрыми дарами из римской казны – золотом, серебром, обещаниями покровительства, – проявил неожиданную твердость. Он говорил как представитель народа, избранного самой богиней для своего нового дома. Его искренняя вера, безупречные манеры и аура произвели на суеверных жрецов сильное впечатление. В конце концов верховный жрец объявил, что богиня снизошла к нему во сне и благословила переселение. Их подвели к камню: он оказался огромным, черным, пористым. Его бережно, с пением, погрузили на специальную колесницу, запряженную белоснежными быками. Процессия тронулась в обратный путь. Агенты Луция и Праксидема, разосланные по маршруту, заранее готовили почву. В каждом городе, через который проходила процессия, рассказывали о чудесах: слепой старик прозрел, прикосновшись к повозке; над камнем, когда его везли через перевал, три дня кружил орел – птица Юпитера; враждебное племя галатских наемников, собравшееся ограбить караван, в ужасе расступилось, увидев, как от черного камня исходит сияние. Эти истории, обрастая подробностями, летели впереди процессии, достигая Италии намного раньше самой повозки. Назика, шедший пешком впереди, наблюдал за этим со смятением. Он видел, как люди падают ниц, как женщины подносят детей, чтобы те коснулись покрывала на камне, как местные жрецы самых разных культов выходят встречать его с дарами. Но все же он чувствовал себя марионеткой, которая верит в правоту кукловода.

В его дневнике появились новые строки: «Сегодня женщина принесла якобы умирающего ребенка. Я возложил на него край покрывала и прочитал молитву. Ребенок открыл глаза. Было ли это чудо богини, вера матери или просто часть спектакля, в котором я играю, не зная своей роли? Катон, возможно, был прав, но что я могу сделать, могу ли остановить это? Разве я имею право, если даже один больной ребенок получил свой шанс?»

В это время лагеря на Сицилии наполнялись добровольцами – ветеранами испанских легионов, молодыми аристократами, жаждущими славы, даже разорившимися крестьянами, которым нечего было терять. Речи Публия, которые он раз за разом произносил перед новобранцами, теперь были полны разных религиозных образов.

–Мы –меч в руках Великой Матери, –гремел его голос над рядами воинов. –Мы –бич божий для города-бogoотступника. Они принесли на нашу землю огонь и смерть, осквернили храмы наших отцов. Мы идем мстить, совершить священное правосудие. Мы вырвем сердце у чудовища в его же логове. И благословение Великой Матери теперь будет с нами.

Политические оппоненты, вроде все того же Фабия Максима, продолжали ворчать в сенате, предрекая катастрофу и разорение казны, но их голоса тонули в нарастающем громе народного одобрения. Культ Кибелы, еще не прибыв в Рим, уже стал национальным символом, знаменем грядущего освобождения.

День прибытия священного камня был объявлен всенародным праздником. Все работы прекратились. Весь Рим, от седых сенаторов до покрытых копотью ремесленников, от матрон в паллах до полуголых рабов, которым господа дали вольную на этот день, высыпал на Священную дорогу и Аппиеву дорогу, ведущие от Остии к городским воротам Рима. На трибунах, специально возведенных у Капенских ворот, восседали весталки в белом, их лица были скрыты покрывалами. Назика, исхудавший за путешествие, загорелый до черноты, с глубокими тенями у глаз, но с прямым, как меч, станом, шел впереди процессии босиком, в знак смирения. Его когда-то белая туника была в пыли дорог. За ним, громяхая огромными колесами, двигалась священная повозка. Черный камень, теперь оправленный в серебряную оправу с вычеканенными изображениями львов –спутников богини –и кипарисов, был укрыт пурпурным покрывалом, затканым золотыми звездами. Повозку тянули белоснежные быки с позолоченными рогами. Когда процессия, преодолев последнюю милю, подошла к Капенским воротам, гул стих. Из ворот вышла вся высшая коллегия жрецов во главе с Верховным понтификом и децемвирами. Но народ, затаив дыхание, ждал другого человека, и тот тоже появился. Публий Корнелий Сципион специально прибыл из Сицилии и теперь вышел вперед, позади него на шаг был Луций. Публий был облачен в полный парадный доспех: панцирь из полированной бронзы, алый плащ, перекинутый через плечо, и на голове –лавровый венок. Сципион подошел к Назике. Они стояли друг против друга на глазах у всего Рима: полководец, несущий войну за море, и второй, принесший, как говорили, спасение на землю Италии. Оба –Корнелии. Оба –Сципионы. –Брат, ты прошел через моря и земли, преодолел опасности, чтобы исполнить волю богов. Ты привёз нам будущую победу. Ты привёз знак того, что боги снова повернули свои лица к Риму. Публий сделал шаг и обнял Назику, толпа ахнула от этого жеста, полного любви и силы. Назика, чувствуя холод металла доспеха и слыша бурное сердцебиение кузена, ответил.

–Брат, я привёз камень Великой Матери. Да будет её защита над этим городом. И да будет её благословение с тобой, Публий Корнелий, в твоём походе, который должен вернуть мир нашей земле.

Они снова обнялись, и в этот миг луч солнца, пробившийся сквозь облака, упал на пурпурное покрывало камня, и оно вспыхнуло багряным огнем. Закричала птица, накопившееся напряжение тысяч людей выплеснулось наружу. Люди плакали, обнимались, бросали в воздух шапки и цветы. Камень торжественно внесли в город и поместили на время в храме Победы на Палатине, пока на самом Палатине не будет выстроено величественное святилище Великой Матери. Поход Сципиона получил своё дополнительное благословение. Легионы Сципиона

могли отправляться в путь с сознанием, что за ними –не только сенат, римские боги и народ Рима, но и Великая Матерь.

Поздней ночью, когда город, охмелев от зрелищ, бесплатного вина и мяса, раздаваемых по щедрому приказу Луция Сципиона из его личных средств, погрузился в тяжелый, насыщенный сон, три брата встретились в последний раз перед долгой разлукой в небольшой части дома Сципионов на Палатине. Пафос спал, осталась только усталость, близость разлуки и невысказанное, что висело между ними, как стена из тумана. Публий, уже снявший доспехи, наливал вино из глиняного кувшина. Он молча протянул чашу Назике и Луцию. Назика, после долгой паузы, принял её.

–Ты сделал это, –сказал Публий, садясь напротив. –Ты сделал больше, чем я мог надеяться. Процессия стала торжественным событием.

–Я выполнил долг перед семьей и памятью отца, –отозвался Назика, не прикасаясь к вину. Он сидел, сгорбившись, его взгляд был прикован к язычку пламени в лампе.

–Ты недоволен, Назика, я вижу это. В чём дело?

Назика поднял на него глаза.

–Я видел, как ты и Луций управляли всем этим. Даже сегодня ты сказал: «Ты привёз нам победу». Нет, я привёз только камень. Победу, если будет на то воля богов, принесут твои легионы, а не камень. Ты смешал священное и мирское так, что их уже не разделить. И мне страшно: к чему это приведёт Рим, что будет после?

–Мирское, брат, –сказал Публий, –и есть единственное поле, где священное может проявиться. Рим –наша святыня: его стены, его законы, его народ. Чтобы спасти эту святыню от уничтожения, я готов использовать любые инструменты, какие есть в человеческом мире: сталь меча, тяжесть золота, убедительность слова и даже веру в камни, упавшие с небес. Ганнибал – вот, например, –символ того, что Рим может быть сломлен, что судьба Рима –не владеть миром, а быть растоптанным. И чтобы победить, нужна более сильная, более яркая идея. Сегодня мы её с тобой создали. Идею Рима, любимого и хранимого самими богами, всеми богами, даже новыми. Не отрекайся от веры, брат. От неё тоже всегда зависит очень многое.

Назика медленно, будто через силу, поднял кубок.

–За Рим, –прошептал Назика.

–За Рим, –твёрдо ответил Публий.

–За Рим, братья мои, –громко произнёс Луций.

Они выпили, каждый думал о своём. А за окном, в чёрном бархатном небе над Тибром, уже всходила утренняя звезда.

Глава 3. Скандал в Локрах.

Inter arma silent leges.
Среди оружия молчат законы.

Лето в Локрах было невыносимым, но не столько от палящего солнца, которое отражалось от белых стен домов и храмов, сколько от того, что город, некогда цветущая жемчужина на юге Италии, гордящаяся своими законами и таинственным культом Персефоны, задыхался. Он был похож на женщину, которую долго и жестоко насиловали, а затем бросили умирать в переулке, отобрав последние украшения. Локры пали под натиском Ганнибала в 215-м, но спустя десять лет были отбиты римлянами после сложной интриги, в которой переплелись предательство местного тирана, коварство римского трибуна и отчаянная надежда горожан на избавление от ига Карфагена. Но избавление обернулось новой кабалой. Публий Сципион держал здесь свой гарнизон, чтобы ослабить позиции Ганнибала, но последствия размещения там гарнизона создали для него серьёзный политический кризис. В бывшем доме тирана, превращенном в римский преторий, в прохладном триклинии, увешанном похищенными греческими гобеленами, легат Квинт Племиний потягивал хиосское вино. Он растолстел, его тело, когда-то жилистое, обвисло, лицо заплыло жиром, придав ему выражение тупого, самодовольного благополучия. Доспех, некогда сидевший на нём как влитой, пылился в углу; теперь Квинт предпочитал просторные, вышитые золотом одежды.

—Ты слышал, Сергей? —Племиний отрыгнул, обращаясь к своему заместителю, военному трибуна Марку Сергию. Тот играл костями, брошенными на инкрустированный столик. —Этот старый хрыч, Аристомен, опять приходил, болтал про храм, про осквернение, про венки.

—И что ты ему ответил? —лениво поинтересовался Сергей.

—Как всегда, что римские солдаты —герои, освободившие их от карфагенских варваров. И что содержание героев стоит денег. А если их богиня такая могущественная, почему она не защитила свой храм от Ганнибала? —Племиний фыркнул, и его живот заколыхался. —Я приказал ликторам выгнать его. Старикашка так смотрел, будто хотел испепелить меня взглядом; это было так смешно.

—Не стоит смеяться над их жрецами, —мрачно заметил Сергей. —Суеверный народ, может, и впрямь какая-то сила есть в их камнях и статуэтках.

—Сила? —Племиний громко рассмеялся. —Сила —вот где. —Он сжал жирный кулак. —И здесь. —Ткнул пальцем в лоб. —А их боги —они для рабов и баб. Не то что наши боги Юпитер, Марс: они дали нам власть над такими, как эти локрийцы. И мы эту власть используем так, как считаем нужным.

А использовали они её действительно широко. Гарнизон в две тысячи человек, которых Сципион, стремясь поскорее укомплектовать отдаленные форпосты, отправил в Локры, чувствовал себя хозяевами жизни. Город считался союзным, но обращались с ним как с завоеванной территорией. Солдаты вводили свои налоги на всё: на торговлю в порту, на пользование общественными банями, даже на право пройти по главной улице после заката. Тех, кто сопротивлялся, избивали. Тех мужчин, у кого были красивые дочери или жены, приглашали в преторий для дачи показаний и долго не выпускали. А по возвращении отцы и мужья часто находили женщин дома молчаливыми, с пустыми глазами и синяками на бедрах. И аппетиты гарнизона росли. От случайных грабежей перешли к систематическому вымогательству. Однажды Племиний и Сергей состряпали дело о заговоре локрийской знати в пользу Карфагена. В качестве доказательств фигурировали поддельные письма, показания, выбитые у рабов под пытками. Несколько самых богатых горожан были арестованы. Им предложили выбор: добровольное пожертвование в казну гарнизона или суд и конфискацию всего имущества с последующей

высылкой. Большинство платило. Деньги текли рекой. Пьяные оргии в претории стали обычным делом. Племиний завел себе гарем из наложниц. Сергей предпочитал золото и драгоценные камни, коллекционировал вазы и статуэтки, скупая их за бесценок у запуганных торговцев.

Центурион Лукреций, громила с лицом, изуродованным шрамом от галльской секиры, давно приметил богатства святилищ. Он был суеверен, но его суеверие уступило жадности и пьяной удали. Однажды ночью, подкрепленный вином и поддержкой десятка таких же головорезов из своей центурии, он решился на преступление. Жрецы храма, охранявшие святилище, были стариками. Их легко скрутили и заткнули им рты. Лукреций, дрожащими от алчности руками, сорвал со статуи Персефоны золотые серьги и ожерелье из янтаря. Его люди обшарили сокровищницу, набивая мешки серебряными фигурками, монетами и другими ценностями. Уходя, Лукреций, для храбрости, пописал на алтарь. Его люди, хохоча, последовали примеру. Утром разразился скандал. Верховный жрец Аристомен пришел к Племинию с требованием. Он говорил о святотатстве, о гневе богов, о позоре, который падет на головы римлян. Он требовал немедленного возврата святынь и наказания виновных. Племиний, с бодуна, вышел к нему раздраженный. Выслушав, он зевнул.

—Твои боги, старик, очевидно, спят или им плевать. Мои солдаты —защитники этого города. Они устали, им нужно расслабление. Может, твоя богиня сама явилась к ним во сне и предложила свои украшения. Убирайся и, если еще раз придешь с такими обвинениями, пожалеешь.

Но Аристомен не ушел. Он заговорил о законе, о римской добросовестности, о договоре между городами. Он сказал, что даже карфагеняне, язычники и варвары, не смели трогать храм. Этот намек на сравнение с Ганнибалом переполнил чашу терпения Племиния, тот взревел от ярости.

—Как ты смеешь? Солдаты, высечь этого старикашку здесь, на ступенях, чтобы все видели, что бывает с теми, кто оскорбляет римскую власть.

Его приказ был исполнен немедленно. Аристомена на глазах у жителей привязали к позорному столбу у претория и высекли розгами. Старик не издал ни звука, только смотрел на Племиния так, что у того пробежали мурашки по спине. Это оказалось последней каплей. Публичная порка священнослужителя союзного города была нарушением закона и традиций отношений с союзниками. В ту же ночь из маленькой рыбацкой бухты отчалила лодка. На веслах сидели юный Диокл, чья сестра бросилась в колодец после ночного визита римских солдат, и старый раб Аристомена, везущий письмо с подробным, скрепленным печатями донесением. Они направлялись в Регий, где стоял с войском претор Публий Валерий Флакк.

Заседание сената началось с обычной рутины: доклады о поставках зерна из Сардинии, жалобы союзников на принудительную вербовку, обсуждение ремонта храма Януса. Консул Публий Семпроний Тудитан вел заседание, поглядывая на солнце; день был душный, и все хотели поскорее разойтись. Тяжелые двери курии распахнулись, и в зал вошел, не дожидаясь приглашения, претор Публий Валерий Флакк. Он был в дорожном плаще, покрытом пылью, лицо его было сурово, глаза метали молнии. За ним несли два деревянных сундука.

—Сенаторы, прошу прощения за вторжение. Но я привез нечто, что не терпит отлагательств. Я только что прибыл из Регия и привез с собой крик о помощи. Город Локры превращен в личную вотчину и место для грабежа легатом Квинтом Племинием и его приспешниками. Вот свидетельства. —Он указал на сундуки. —Показания жрецов храма Персефоны, граждан, женщин, даже рабов. Вот описи украденного имущества, медицинские заключения об избиениях. Но это еще не самое ужасное: когда жрецы храма пришли с законной жалобой на осквернение святыни, легат Племиний приказал высечь старшего жреца Аристомена розгами на ступенях претория. На глазах у всего города.

В курии раздался сдержанный вздох ужаса. Осквернение храма было серьезным преступлением, но публичное бичевание жреца союзного города было беспрецедентным ударом по закону Рима.

—Дисциплина в гарнизоне отсутствует, —гремел Флакк. —Солдаты живут как оккупанты, имя Рима втоптывается в грязь. И всё это происходит под взором человека, который публично заявляет, что живет в интересах Рима; я сейчас говорю про Публия Корнелия Сципиона. Я требую немедленного расследования и самой суровой кары в отношении всех участников.

Первым, не дожидаясь формальностей, радостно подскочил Квинт Фабий Максим.

—Благодарю претора Флакка. Он обнажил гнойную язву на теле Республики. Мы услышали о мерзости, от которой стынет кровь. Но давайте спросим себя: как такая язва могла возникнуть? Кто вверил меч римской власти в руки этого Квинта Племиния? Публий Корнелий Сципион, ослепленный славой в Испании, которого, кстати, там до сих пор называют Императором Испании. Он теперь набирает армию для своего нового похода, раздает должности своим прихвостням, не глядя на их достоинства, а лишь на личную преданность. И вот он —плод его кадровой политики. Город, который должен быть оплотом силы, стал рассадником ненависти к Римскому имени. Где дисциплина —основа наших легионов, где уважение к союзникам —основа нашей империи? Их нет, их растоптал человек, выбранный лично Сципионом. А где был сам Сципион? Он раздавал обещания, играл в великого полководца, позабыв о первой обязанности командующего —контроле над своими подчиненными. Я задаю вопрос, сенаторы: можно ли доверять полководцу, чья политика привела к такому позору? Можно ли вручить такому человеку судьбу наших легионов, флота, да и самой Республики в авантюре, риск которой и без того огромен? Я считаю, что нет. Я требую немедленного отзыва Публия Корнелия Сципиона из Сицилии для дачи объяснений. Я требую создания чрезвычайной следственной комиссии, которая разберется с Племинием, а до окончания её работы все приготовления к африканской экспедиции должны быть заморожены.

В зале поднялся крик, сторонники Сципиона вскочили с мест. Луций Сципион, покраснев от ярости, перекрикивал всех:

—Это провокация! Фабий Максим нашел повод, чтобы утопить единственный шанс, способный победить Ганнибала. Мой брат на Сицилии и не мог знать о каждом шаге каждого центуриона в Италии. Его вина лишь в том, что он доверился не тому человеку. Но разве мы будем наказывать полководца за преступление центуриона?

—Не центуриона, а легата, —поправил Фабий Максим. —Легата, которого он лично назначил. Если он не способен правильно выбрать подчиненного для управления гарнизоном, как он сможет командовать армией в бою? Это вопрос основополагающего качества командира.

Спор становился все более ожесточенным. Сенаторы разделились на два лагеря: старики-консерваторы и те, кто просто боялся африканской авантюры —против молодых сторонников Сципиона и тех, кто отчаялся ждать и был готов на любой риск ради победы.

—Сенаторы, —продолжил Луций Сципион, —мы выслушали ужасные вещи. Претор Флакк представил нам картину, от которой честному римлянину должно быть стыдно. И наш первый порыв —гнев, справедливый гнев, и требование немедленного возмездия. Квинт Фабий Максим ошибочно указывает на источник беды —на того, кто поставил негодяя у власти. И его логика кажется безупречной. Но давайте отставим на мгновение наш гнев и зададим себе один простой, почти детский вопрос: а что, если это именно то, чего ждет от нас Ганнибал?

Он обвел взглядом зал, встречаясь глазами с сенаторами. —Много лет этот человек терзает Италию. Он ждет одного: чтобы мы сами загрызли себя. Чтобы мы перессорились, потеряли веру, чтобы мы отказались от любого смелого плана из-за страха и подозрительности. Мы не можем сделать такой подарок Карфагену. Великая Мать благословила поход Рима на Карфаген. Да, преступления в Локрах —это трагедия. Это позор, но если мы позволим этому позору парализовать нашу волю, сорвать единственный за много лет план, который несет войну к сте-

нам самого Карфагена, тогда мы сделаем работу Ганнибала за него. Я предлагаю путь, который не запятнает нашу честь и не лишит нас шанса на победу. Первое: немедленно отозвать и арестовать Племиния, Сергия и главных зачинщиков. Второе: направить в Локры комиссию для восстановления порядка, выплаты компенсаций и наказания виновных. Третье: отправить консулу Публию Сципиону самое строгое предупреждение, дать ему понять, что его ошибка едва не стоила Риму его репутации. Но не отзываться его и не останавливать подготовку к экспедиции. Ибо остановить её сейчас – значит признать, что действия одного предателя-легата перечеркивают волю всего римского народа.

Слова Луция нашли отклик у многих колеблющихся. Сохранить лицо, наказать виновных, но не губить большое дело из-за одной ошибки. Дебаты длились до глубокого вечера. В конце концов, уставшие и измотанные сенаторы приняли решение. Была назначена чрезвычайная следственная комиссия. Возглавить её вызвался сам Квинт Фабий Максим. Ей предстояло немедленно отправиться в Локры, провести полное расследование, арестовать преступников и доложить сенату. Вопрос об отзыве Сципиона был отложен до возвращения комиссии и её выводов.

Известие пришло с опозданием на две недели. Сципион работал над картами, когда Лелий ворвался в кабинет. По выражению его лица Сципион понял, что тот пришел с плохими новостями.

–Что случилось? Снова Ганнибал? –спросил Сципион.

–Может, даже хуже. От Луция пришло письмо, –ответил Лелий. Он вкратце изложил суть: бесчинства Племиния, осквернение храма, порка жреца, доклад Флакка, яростные дебаты в сенате, комиссия под началом Фабия.

–Фабий возглавит комиссию?

–Да, он сам напросился. Это его шанс, Публий: он будет копать, искать любую связь с тобой, искать любую грязь. Он хочет через предательство Племиния добраться до тебя, чтобы снять тебя с командования армией.

Сципион отвернулся к окну. Внизу, в порту, кипела жизнь: грузили припасы на квинкверемы, тренировались гребцы, маршировали центурии. Всё это –плод его гигантских усилий, его политических побед, его веры в этот поход. И теперь всё это могло рухнуть из-за одного алчного, тупого животного по имени Племиний. Он чувствовал приступ сильной ярости, ему захотелось сломать что-нибудь, издать вопль гнева. Но он же был Сципионом и сдержал себя.

–Что будем делать? –спросил Лелий.

–Будем действовать на опережение. Пиши.

–Первое: официальное письмо в сенат. Пиши: «Консулам, преторам, сенату и народу римскому. С величайшим стыдом и негодованием узнал я о преступлениях, совершенных в Локрах легатом Квинтом Племинием...» Подчеркни мое возмущение. Пиши, что я полностью поддерживаю решение о комиссии. Объявляю, что отныне Племиний лишен всех полномочий и званий. Приказываю ему немедленно сдать командование. Второе: отдельный приказ гарнизону в Локрах. Все бесчинства прекратить немедленно. Солдатам оставаться в казармах. Третье: письмо претору Публию Валерию Флакку. Благодарность за проявленную бдительность. Просьба в рамках его полномочий взять на себя временное командование в Локрах для наведения порядка до прибытия комиссии. Четвертое... –Он задумался. –Четвертое: распоряжение нашему казначею выделить из фондов, пожертвованных на экспедицию союзными городами, сумму в пятнадцать талантов серебра. Для немедленной компенсации ущерба городу Локры и восстановления храма Персефоны. Акция должна быть публичной, гласной.

–Пятнадцать талантов –ахнул Лелий. –Это огромная сумма, и из фондов экспедиции. Сенат может усмотреть в этом признание вины и трату денег на личные цели, а не на подготовку.

—Это признание ответственности за произошедшее. Мы показываем, что Рим в лице своего консула умеет исправлять ошибки своих подчиненных. Это инвестиция в нашу репутацию. Без неё нам не видать Африки как своих ушей. Фабий будет кричать о расточительности? Пусть кричит, это его проблема. Теперь иди, пусть эти письма отправятся с самым быстрым кораблем еще до того, как комиссия Фабия доберется до Локров.

—Думаешь, это поможет?

—Да, чтобы потом, когда Фабий будет выдвигать свои обвинения, у меня было что предъявить в ответ: что я действовал быстро, решительно и благородно. Я не прятался, а исправлял. Но и теперь мы должны сделать самое трудное.

—Что?

—Ждать и молиться, чтобы этот старый лис не нашел в Локрах чего-то лишнего.

Комиссия во главе с Фабием Максимом прибыла в Локры. Они не стали занимать преторий: Фабий приказал разбить лагерь на холме за городскими стенами, на виду у всего города, демонстрируя дистанцию и неподкупность. Первым делом они вызвали к себе Племиния. Тот явился в парадной форме, но без ликторов, еще надеясь отделаться выговором, —Фабий приказал отобрать у него знаки власти сразу. Увидев суровые лица пяти уважаемых людей Рима, Племиний обмяк. Начался допрос. Фабий вел его безжалостно, задавал вопросы о грабежах, о насилии, о жертвованиях, о храме. Племиний сначала все отрицал, говорил о происках карфагенских агентов, о клевете. Но Фабий предъявлял ему одно доказательство за другим: показания купцов, списки украденного, медицинские заключения изнасилованных женщин.

—А жрец Аристомен, ты приказывал высечь его? —спросил Фабий.

Племиний, потный и растерянный, пробормотал:

—Он оскорбил римскую власть, я обязан был отдать такой приказ.

—Ты должен был соблюдать договор, должен был охранять союзников, а не грабить их; ты —не хозяин тут, а лишь слуга Республики. И ты забыл об этом.

Затем вызвали Сергия. Тот был хладнокровнее: он признал отдельные случаи, но в целом свалил все на Племиния и на распущенность других солдат. Он даже пытался представить себя жертвой обстоятельств. Но Фабия было не провести. Потом начались допросы свидетелей. Комиссия работала ежедневно, без выходных. Они опрашивали купцов, ремесленников, вызвали жрецов храма. Старый Аристомен, едва держась на ногах, спокойно рассказал обо всем, включая свой позор. Они допрашивали и солдат, обещая снисхождение тем, кто сознается. Многие, видя, что игра проиграна, валили вину на командиров, рассказывая чудовищные подробности. Особенно потрясла всех история юной Каллирои, дочери локрийского аристократа. Ее вернули в родительский дом на носилках: после изнасилования и побоев она впала в молчаливый ступор и не могла есть. Ее мать, рыдая, рассказала, как солдаты ворвались в их дом, как Племиний лично выбрал девушку для своей потехи. Фабий, слушая это, был бледен. Он приказал своей личной охране беречь дом семьи и выделить им лучшего врача из лагеря. Фабий тщательно документировал каждое преступление, каждое свидетельство. Его писцы работали день и ночь, составляя объемистый отчет. Но он искал большего, искал связь со Сципионом. Его люди допрашивали Племиния и Сергия с пристрастием: не отправляли ли они часть награбленного консулу? Не было ли тайной переписки? Не получали ли они указаний держать город железной рукой? Племиний, понимая, что его ждет суд и, вероятно, казнь, цеплялся за эту соломинку. Он начал намекать, что высшее начальство если и не отдавало прямых приказов, то закрывало глаза, потому что было слишком занято своими делами. Он говорил об атмосфере вседозволенности, которая, по его словам, исходила сверху. Сергей под давлением заявил, что они с Племинием решили, что Сципион слишком поглощен подготовкой экспедиции, чтобы вникать в дела гарнизона, и пользовались этой свободой. Получалось так, что прямой связи не было, но были атмосфера, попустительство, преступная халатность

со стороны командующего. Для Фабия этого в целом было достаточно. Однажды вечером, в палатке Фабия, за простой едой, члены комиссии обсуждали итоги.

—Картина ясна, —сказал член комиссии Марк Помпоний Матон, его глаза горели ненавистью. —Племиний и Сергей —чудовища, их нужно казнить публично, ну а гарнизон расформировать. Но что будем делать со Сципионом?

Фабий медленно жевал хлеб.

—Прямой вины Сципиона нет, —признал он. —Но есть грубая, непростительная ошибка в выборе подчиненного. Есть попустительство, вызванное занятостью своими планами. Он пренебрег долгом командующего, поставил свою амбициозную игру выше текущих интересов Республики. Разве этого недостаточно, чтобы усомниться в его способностях как стратега и администратора?

—Сенат может не согласиться, —заметил Матон. —Экспедиция Сципиона —воля всего Рима. Сорвать ее сейчас может быть сложно.

—Я не предлагаю сорвать, —перебил Фабий. —Я предлагаю заменить рулевого. Назначить более опытного, осторожного командующего, Марцелла, например. Или даже меня. Мы представим отчет, где будет указано, что человек, выбранный Сципионом, осквернил храм и высек жрецов, вина подтверждена. И спросим, можно ли доверять такому командиру вести армию в столь опасное предприятие? Надеюсь, народ и сенат поймут и поддержат нас.

Он отпил вина.

—Завтра мы заканчиваем. Послезавтра направимся в Рим с Племинием и Сергием в цепях. И мы представим сенату отчет, который заставит их усомниться в «Императоре Испании».

Весть о возвращении комиссии Фабия взбудоражила весь город. Сенат собрался на внеочередное заседание. Луций сидел на своем месте, чувствуя, как сердце бьется сильно от волнения. От исхода сегодняшнего дня зависела судьба брата, судьба экспедиции, а значит, и судьба войны. Он видел, как вносят тяжелые сундуки с документами. Потом, под гробовое молчание, в зал ввели закованных Племиния и Сергия. Они выглядели жалко: Племиний всхлипывал, Сергей смотрел в пол. На них показывали пальцами, шипели проклятия. Фабий Максим поднялся для доклада. Его речь —шедевр политического искусства: спокойно, с ясностью, он излагал факт за фактом. Он читал выдержки из показаний: грабежи, изнасилования, пытки. Он описывал украденные сокровища, приводил имена искалеченных. Он подробно останавливался на истории храма Персефоны и порке Аристомена. Зал замирал, потрясенный масштабами распушенности.

—...И вот, сенаторы, —заканчивает Фабий, —перед вами плоды кадровой политики нашего консула Публия Корнелия Сципиона. Он выбрал этих людей, доверил им честь Рима. И что мы видим? Его выбор пал на подонков. Отсутствие его контроля привело к катастрофе. Я спрашиваю вас: можно ли доверять полководцу, чье решение обернулось таким позором? Можно ли вручить ему и его людям судьбу легионов в рискованной аванюре? Я считаю, что нет; он должен быть отозван и дать ответ за свою ошибку, которая едва не стоила Риму верного союзника и навсегда запятнала наше имя.

Зал взрывается, сторонники Сципиона возмущены. Луций с яростью кричит, что Фабий сводит личные счеты, что он готов погубить Рим ради своей зависти.

Под этот гул поднялся претор Публий Валерий Флакк:

—Ошибка консула очевидна и тяжела. Он проявил преступную беспечность. Однако, как я услышал, комиссия не нашла доказательств его личной причастности к преступлениям. Более того, полученные от него письма были направлены на исправление ситуации. Он признал ошибку и действовал, чтобы её загладить. Наказывать ли его за проступок подчиненного? В условиях войны, я считаю, это будет излишне.

Это был удар ниже пояса для Фабия, которого он не ожидал. Беспристрастный свидетель, чью честность нельзя оспорить, фактически снимает с Сципиона обвинения.

Дебаты вспыхивают с новой силой. Уже звучали предложения компромисса: оставить Сципиона, но назначить к нему наблюдателя из сената или урезать его полномочия.

Снова поднялся Луций.

—Мы слышали о мерзости, о политических расчетах моего брата. Но я хочу, чтобы мы на минуту забыли о Публии. Снова говорю вам: давайте подумаем о том, кто сейчас в Бруттии, о Ганнибале. Скандал в Локрах —настоящий подарок для него. Если мы сегодня, поддавшись гневу, отзовем Публия и похороним африканскую экспедицию, мы не накажем Публия, мы накажем сам Рим. Мы подарим Ганнибалу еще годы жизни в Италии. Еще тысячи смертей, еще бесконечную войну.

—Я предлагаю Племиния казнить, Сергия казнить. Городу компенсировать их действия. А Публию послать суровое письменное порицание от сената, чтобы он помнил этот урок до конца своих дней.

Фабий увидел, что проигрывает, но не нашел, что возразить. Голосование длится несколько часов, проходит в невероятном напряжении. В конце концов, с перевесом всего в несколько голосов, победила компромиссная формула: Племиний и Сергий лишаются гражданства и отправляются в тюрьму до суда. Гарнизон Локров расформировывается. Городу назначается компенсация из римской казны. Сципиону отправляется суровейшее письменное порицание сената, но его полномочия и план экспедиции остаются в силе. Более того, чтобы снять с себя обвинения в слабости, сенат, по инициативе сторонников Сципиона, даже утверждает дополнительные ассигнования на флот, демонстрируя, что доверие к нему после встряски не поколеблено, а проверено. Это пиррова победа Сципиона. Сейчас он был спасен, но отголоски Локров будут на нем навсегда.

Курьерский корабль доставил сенатское постановление и пачку частных писем. Сципион, прочитав официальный документ с унижительным выговором, молча положил его в ларец. Потом он вскрыл письмо от Луции. Там было всего несколько строк:

«Публий, буря миновала, корабль уцелел, но ослаблен. Смотри в оба, не давай им нового повода».

Сципион вышел на балкон, глядя на свой флот, на тысячи людей, готовящихся к отплытию. Он избежал катастрофы. Его план жив, но он знал, что самые страшные враги —не там, в Африке, а здесь, в Риме. Они —в алчности таких, как Племиний, в непримиримости таких, как Фабий.

В оставшиеся до отплытия недели Сципион, запершись в своём кабинете, погрузился в изучение двух судебных, которые должны были столкнуться в Африке по его воле. Он собирал всю возможную информацию: отрывочные доклады старых послов, рассказы купцов, легенды, которые передавали друг другу нумидийские наёмники на римской службе. Перед ним вырисовывалась картина контраста: двух типов власти, двух характеров, обречённых на смертельную схватку.

Сифакс —царь, власть которого основана на силе, хитрости и интригах. Пришедший к власти уже зрелым мужчиной, он не был наследственным царём, а являлся сыном вождя одного из племён, который в огне междоусобиц и с помощью карфагенского золота сумел подчинить себе соседей и объявить себя царём. Его сила —в традиционной, патриархальной структуре власти, в лояльности племенных вождей, которых он задаривал трофеями и землями, отнятыми у врагов. Он был консерватором, не любившим новшеств, предпочитавшим грубую силу. Его союз с Карфагеном был как брак по расчёту: он получал оружие, золото, поддержку против внутренних врагов, получил молодую, красивую жену из высшей аристократии. Взамен он поставлял грозную конницу. Но у него были и слабости. Сифакс старел, ему было уже за

шестьдесят. Его мышление становилось поверхностным. Его уверенность перерастала в самоуверенность. И его привязанность к Софонисбе, дочери Гасдрубала Гискона, была не только политическим союзом. По слухам, он был страстно влюблён в свою молодую жену, которая, будучи умной и образованной, управляла старым царём, а через него – и всей нумидийской политикой в интересах Карфагена. Это делало его зависимым и уязвимым. Его войско, хотя и огромное, было разным по составу – ополчение, наёмники, карфагенские инструкторы – и не отличалось высокой дисциплиной. Это была орда, а не армия. Его власть держалась на страхе и золоте, а не на любви или законном праве. Он был шакалом: умным, терпеливым, жестоким, но всё же шакалом, который всегда идёт за более сильным хищником, надеясь поживиться остатками.

Массинисса был принцем без царства, совсем иным типом. Молодой, амбициозный, он получил образование, немыслимое для обычного нумидийского вождя. Он говорил на языке Карфагена, греческом, знал латынь, разбирался в поэзии, философии, военном искусстве не только своего народа, но и великих держав. Он был наследником древней династии, чьи корни уходили в глубокую древность. Его отец, царь Гала, разделил царство между сыновьями, что и привело к междоусобице и ослаблению, чем и воспользовался Сифакс. Массинисса был претендентом на трон, символом законной власти, противопоставленной грубой узурпации. Его сила была в его личности: харизме, отчаянной храбрости, уме, гибкости. Он мог вести за собой людей личным примером, идеей. Его слабость тоже была очевидна – полное отсутствие ресурсов, статус изгоя. Но в этой слабости, как думал Сципион, крылась и сила. Ему нечего было терять. Он мог рисковать всем. Его воины, если он их соберёт, будут сражаться за выживание, за месть, за восстановление справедливости. Он был орлом – гордым, яростным, с подбитым крылом, но с непотушенным взором, устремлённым в своё небо.

Сципион видел, как судьбы этих двух людей идеально ложились в его стратегию. Ему не нужно было побеждать Сифакса в открытом поле. Ему нужно было легитимизировать Массиниссу. Превратить изгоя в законного царя в глазах нумидийских племён. Для этого нужно было несколько вещей: демонстрация римской мощи. Первая же победа над карфагенянами должна была показать, что новый игрок в Африке силён и его стоит бояться или к нему стоит присоединиться. Создание для Массиниссы освобождённой территории, куда могли стекаться его сторонники. Информационная война: распространение слухов о том, что римляне пришли как освободители, чтобы вернуть законного царя, и что те, кто встанет на его сторону, получат земли и милость. Личная встреча и демонстрация союза. Сципион должен был публично признать Массиниссу царём, оказать ему военную помощь, сделать его своим младшим, но уважаемым партнёром.

С Сифаксом нужно было сыграть в другую игру. Его нужно было спровоцировать на неосторожные действия. Заставить его либо разделить силы, пытаясь одновременно воевать с римлянами и ловить Массиниссу, либо, что ещё лучше, – заставить его карфагенских союзников усомниться в его эффективности. Письмо Сифакса, которое Сципион сжёг, давало ключ и к этому: старый царь сильно боялся законного наследника Массиниссу. Этим и нужно было играть.

Сципион разработал детальный план первых месяцев кампании, который он никому не доверил полностью, даже Лелию. Высадка в месте, максимально удалённом от основных баз Сифакса, например на востоке, близ Утики, но угрожающем сердцу карфагенских владений. Немедленное строительство фортифицированного лагеря по всем правилам римского военного искусства – чтобы показать, что они пришли надолго. Отправка Нараваса и других агентов на поиск друзей Массиниссы с конкретными предложениями: земля, оружие, обещание публичного признания. Быстрая, демонстративно жестокая операция против ближайшего карфагенского гарнизона или города, чтобы показать цену сопротивления. Одновременно тайные переговоры с нумидийскими вождями, вассалами Сифакса, с обещаниями автономии и

защиты под властью законного царя Массиниссы. Сципион понимал, что он создаёт новую политическую карту Африки, где Рим будет покровителем и вершителем судеб. И первым кирпичом в этом новом порядке должен был стать принц, чья судьба теперь была намертво привязана к его собственной.

Накануне отплытия Сципион устроил последний смотр. Вся армия была выстроена на равнине близ Мессаны. Десятки тысяч человек – легионы Искупления в отремонтированных, сверкающих на солнце доспехах; добровольцы с пёстрыми щитами; всадники на великолепных конях; экипажи кораблей. Все стояли молча и ждали своего консула. Сципион поднялся на высокий помост, сооружённый из ящиков и щитов. В его руках был штандарт – знамя с изображением волчицы.

– Солдаты Рима, союзники, друзья! Завтра мы сделаем то, что не делал никто со времён Регула. Мы переступим через море, ступим на землю, которая породила нашего злейшего врага. Нас ждут там, но ждут по-разному. Одни – со страхом в сердце и с оружием в руках. Другие – с надеждой, что мы принесём им лучшую жизнь. Мы идём установить порядок, при котором узурпаторы будут низвергнуты, а законные правители – возвращены на свои троны. Порядок, при котором вероломство будет наказано, а верность – вознаграждена.

Он указал рукой на юг.

– Там, за этим морем, есть царь, которого зовут Сифакс. Он предал слово, данное Риму. Он продал свою честь и свою землю карфагенским господам. И есть другой – принц, лишённый всего, но сохранивший честь. Он помнит свою клятву Риму. И мы помним нашу – ему. Мы идём, чтобы вершить справедливость. И под сенью наших знамён, под защитой наших щитов справедливость восторжествует.

Он поднял знамя с волчицей высоко над головой.

– Клянёмся богами Рима! Клянёмся духами наших предков! Мы будем стоять друг за друга. Мы не оставим товарища в беде. Мы выполним свой долг до конца, и мы вернёмся с победой, которая навсегда избавит наших детей и внуков от страха перед врагом у ворот. За Рим! За справедливость! За наше общее завтра!

Грохот, рёв. Десятки тысяч глоток выкрикнули слова, подняли копья, застучали мечами о щиты. Это было море звука, воли и веры. В этот миг не было ни ветеранов Канн, ни сицилийских моряков, ни наёмников. Была одна плоть, один дух, одна неистовая решимость. Вечером, когда стихли последние приготовления, Сципион в последний раз поднялся на крышу дворца в Мессане. С ним был только Лелий. Они молча смотрели на огни костров в лагере и на тёмные силуэты кораблей в гавани.

– Ты так и не сказал никому о письме, – тихо заметил Лелий.

– Зачем? Предательство Сифакса лишь подтвердило, что мы на верном пути. В великой игре тронов нет друзей навек. Есть только временные интересы. И наш интерес теперь – сделать так, чтобы интерес молодого царя навсегда стал нашим интересом. Всё остальное решится сталью, кровью и волей. Мы выходим с первым лучом. Пусть боги будут нашими судьями и решат нашу судьбу, мой друг.

Рассвет застал флот Сципиона уже в открытом море. Гигантская армада – военные корабли, транспорты, либуры – растянулась на многие мили. Их паруса, ловя первые лучи солнца, алели, как будто обagrённые кровью грядущих битв. Они летели на юг, неся с собой мечты об искуплении, алчность, железную дисциплину, сложную паутину замыслов и яростную веру в своего полководца.

Глава 4. Африканский Гамбит.

Fortes fortuna adivat.
<i>Храбрым судьба помогает</i>

Лето 204 года до н. э. На побережье Африки, в 30 милях к северо-востоку от Утики, пред-
рассветная мгла висела над морем. На горизонте, на юго-западе, тёмно-лиловая полоса суши
казалась безжизненной и бесконечно далёкой. На палубе флагманской квинкверемы «Нептун»
Публий Корнелий Сципион стоял неподвижно, уперев ладони в полированные деревянные
поручни. Его взгляд был прикован к этой полосе. За его спиной на палубе царила тишина,
нарушаемая лишь скрипом снастей да сдержанным перешёптыванием трибунов и легатов. Все,
от командиров до последнего гребца, понимали: момент истины настал. Армада из четырехсот
судов – грозные квинкверемы с рядами весел, похожие на раскрывших крылья хищных птиц;
неуклюжие, но вместительные грузовые онерарии; верткие разведчики-либурны – стояла на
якорях в глубоководной бухте, известной римским мореходам как «Прекрасный мыс». Пере-
ход через Сицилийский пролив, несмотря на благоприятные ветры, стал испытанием на проч-
ность. Тридцать пять тысяч человек провели недели в тесных, зловонных трюмах, страдая от
морской болезни и страха перед неизвестностью.

– Ну что, видишь? – спросил Гай, подходя к командиру. Его лицо под шлемом было блед-
ным от бессонницы и качки, но в глазах горела решимость.

– Мне кажется, что земля наблюдает за нами. Она видела слишком много разных людей:
финикийцев, греков, египтян. Сейчас она равнодушна и позволит нам ступить на свой берег,
а потом решит – принять нас или сбросить обратно в море. Всё зависит от первого шага, от
того, с какой ноги мы ступим.

Он обернулся к сигнальщику.

– Дать сигнал: первый легион должен захватить плацдарм от уреза воды на пятьсот шагов
вглубь, до первой линии дюн. Встретив сопротивление, не ввязываться в бой, отойти к воде и
ждать поддержки. Главная задача – установка частокола и баллист.

По цепочке кораблей, словно электрический разряд, пробежал приглушённый, но чёткий
стук сигнальных барабанов – три коротких, один протяжный. Африканская кампания началась.

Первый луч солнца рассек лиловую мглу над восточным горизонтом и ударил в воду, пре-
вратив её в расплавленное золото. На этом фоне чёрными силуэтами вырисовывались десятки
лодок. Легионеры первой волны, ещё шаткие от качки, но подвижные годами тренировок, спры-
гивали по пояс в тёплую воду. Они шли, высоко поднимая щиты и оружие, чтобы не намочить
тетивы и ремни. Вода хлупала в их обуви, песок забивался внутрь. Никто не говорил, команды
передавались жестами и краткими шипящими звуками.

Первая когорта Пятого легиона – «легиона льва», как они сами себя окрестили в Испа-
нии под командой центуриона Спурия Фабия, – достигла линии дюн. Фабий, не сбавляя шага,
взобрался на гребень и осмотрелся. Перед ним расстилалась плоская, покрытая жёсткой бурой
травой и низкорослым колючим кустарником равнина, уходящая к гряде невысоких холмов на
юге. Вокруг не было ни души.

– Первый участок – закрепляться, ставим частокол, живо.

Работа закипела, солдаты, действуя как части одного механизма, сбросили с лодок зара-
нее заготовленные заострённые колья и поперечины. Одни, сгорбившись под тяжестью, тащили
их на линию дюн, другие, используя тяжёлые деревянные молоты, вбивали колья в песок, тре-
тьи скрепляли их поперечными жердями, создавая примитивный, но эффективный барьер.
Отдельная группа развернула три лёгкие баллисты – метательные машины торсионного типа,

способные послать тяжёлую болванку или пучок мелких стрел на триста шагов. Их установили на специальных платформах, прикрыв с боков щитами.

Сципион ступил на берег с одной из последних лодок. Он намеренно снял поножи и сапоги. Его босые ступни погрузились в тёплый, мелкий, почти белый песок. Он наклонился, взял полную пригоршню, поднёс к лицу, вдохнул запах.

–Песок Карфагена, –произнёс он громко и чётко, так, чтобы его услышали окружающие трибуны, легаты и ближайшие центурионы. –Первая горсть у нас в руках, теперь нужно удерживать всю землю, которую он покрывает.

Он бросил песок и вытер руку о бедро. Его взгляд скользнул по организованной высадке. Всё шло по плану, но плацдарм –это ещё не победа. Нужен был первый бой. Нужна была кровь, чтобы солдаты почувствовали врага и чтобы враг почувствовал их.

Разведка, отправленная на лошадях, вернулась через два часа. Дежурный трибун, запыхавшийся, доложил:

–Консул, в десяти милях к юго-востоку, у речушки, поселение, укреплённое стеной. На табличке у ворот надпись –«Гиппон-Диаррит». Гарнизон –не более трёх сотен. В основном местные ополченцы, судя по вооружению. Командует карфагенский префект. Они явно не ожидают нас, там даже стражники у ворот спят.

Сципион не колебался ни секунды.

–Гай, возьми кавалерию, пятьсот всадников, и второй легион в полном составе. Я хочу, чтобы римские знамёна развевались на стене этого Гиппон-Диаррита. Действовать быстро, жёстко, без пощады. Пленных не брать, кроме командира и нескольких для допроса. Это должно стать сообщением для всей округи.

Городок Гиппон-Диаррит был типичным прибрежным карфагенским форпостом. Глиняные стены, обмазанные известью, высотой в три человеческих роста, образовывали неправильный четырёхугольник. С востока к ним подходила высохшая в это время года река, служившая рвом. Ворота –дубовые, окованные бронзой –выходили на север, на дорогу, ведущую к Утике. Внутри теснились домики с плоскими крышами, небольшой рынок и храм Баал-Хаммона с характерным сигнальным обелиском на крыше.

Карфагенский префект Милькиад, толстый от сидячей жизни и обильных трапез чиновник, только садился за завтрак –лепёшки, финиковый мёд, овечий сыр, –когда его раб-нумидец вбежал в столовую с глазами, полными ужаса.

–Господин, там воины, много воинов, идут с севера.

Милькиад, раздражённо отодвинув тарелку, поднялся и, крихтя, взобрался на стену у ворот. Из-за линии невысоких холмов, в ослепительных лучах теперь уже высокого солнца, ровным шагом выходили римские манипулы. Они двигались чёткими прямоугольниками, разделёнными интервалами. Солнце сверкало на полированных бронзовых шлемах с султанами из конского волоса, на выпуклых больших овальных щитах, на наконечниках копий. Впереди несли знамёна –серебряные орлы легионов, изображения волчицы, кабаньи головы. И была тишина, ни боевых криков, ни песен. Только топот тысяч ног, лязг доспехов и изредка –резкая команда центуриона: «Левой, левой».

–Римляне, –прошептал Милькиад, и его губы задрожали. Его ум отказывался верить. Римляне в Африке –это же невозможно. Может быть, это наёмники Сифакса, переодетые. Но нет, выучка, дисциплина, вооружение –это могло быть только римское войско.

–Запереть ворота! –закричал он, и его голос сорвался на визг. –Все на стены, стрелки –стрелять, остальные –готовить горячий песок.

Но паника уже когтями вцепилась в горло трёхсот карфагенских ополченцев и полусотни наёмников-ливийцев, составлявших гарнизон. Они бросились к стенам, толкаясь и крича. Некоторые из лучников попытались пустить несколько беспорядочных стрел, но те не долетали и втыкались в пыль за сто шагов от приближающегося строя. Римляне не замедлили шага. На

расстоянии в тридцать шагов от стены прозвучала серия трубных сигналов, и строй остановился. Ещё одна команда. Передние ряды гастатов сделали шаг вперёд, приняли характерную позу для метания – левая нога вперёд, корпус развёрнут, пилум занесён назад.

– Запускай! – рявкнули одновременно двадцать центурионов.

Воздух наполнился зловещим свистом. Первый залп пилумов – тяжёлых метательных копий с длинным железным наконечником – взмыл вверх, описывая смертельную параболу. Карфагеняне на стенах замерли, глядя на эту тучу, накрывающую их. Затем – страшный, дробящий кости и дерево звук удара. Пилумы вонзились в парапеты, в щиты, в тела. Особенность конструкции – тонкая железная шейка ниже наконечника – означала, что копье, вонзившись в щит, гнулось, делая его неудобным, а вытащить его в пылу боя было невозможно. Несколько защитников, пронзённые насквозь, с криком свалились со стены. Ещё до того, как смолк звон первой атаки, последовал второй залп, затем третий. Под прикрытием этого стального дождя римские велиты, лёгкая пехота, выскочили вперёд. Вооружённые дротиками и небольшими круглыми щитами, они, как рои разъярённых ос, начали обстреливать верх стены, вынуждая защитников прятаться. Гай Лелий, командовавший штурмом, отдал приказ. Из задних рядов выкатили таран, лёгкий, переносной, на катках, с металлическим наконечником в виде бараньей головы. Под прикрытием «черепахи» – сомкнутых над головами щитов – десяток рослых легионеров рванул его к воротам.

Милькиад, видя это, обезумел. Он кричал что-то невнятное, пытаясь организовать оборону, но его никто не слушал. Часть ополченцев уже разбежалась по городу, другие, более стойкие ливийцы, пытались метать со стены камни и лить масло и горячий песок, но римская «черепаха» держалась.

Раз-два-три! Мощные удары тарана сотрясали ворота. Дуб трещал, бронзовые засовы гнулись. Через несколько минут ворота с грохотом рухнули внутрь.

– Воины, в бой, обнажить мечи! – проревел примипил Лелий и первым ворвался в проём, заслонившись своим щитом.

За ним хлынула лавина легионеров. На узких улочках Гиппон-Диаррита началась короткая, жестокая резня. Дисциплинированные, закалённые в испанских кампаниях римские солдаты, действуя парами и тройками, вырезали деморализованного противника. Карфагеняне, не имевшие ни тяжёлого вооружения, ни выучки для уличного боя, гибли десятками. Некоторые пытались сдаваться, падая на колени, но приказ был ясен: пленных не брать. Милькиад, поняв, что всё кончено, попытался сбежать через заднюю калитку, ведущую к реке. Он уже почти достиг её, когда в спину ему вонзился метко брошенный дротик одного из велитов. Префект рухнул лицом в пыль, и последнее, что он увидел, было отражение римского орла на полированном щите склонившегося над ним легионера. Через час после начала штурма над храмом Баал-Хаммона затрепетал римский вексиллум с аббревиатурой SPQR. Сципион въехал в город по улицам, заваленным телами и залитым кровью.

– Потери? – спросил он у Лелия.

– Четверо убитых, пятнадцать раненых, – отчеканил Гай Лелий. – Противник уничтожен полностью. Взято трое пленных для допроса. Склады с зерном, маслом, финиками – целы.

Сципион кивнул. Его лицо оставалось бесстрастным, но внутри он чувствовал удовлетворение. Первый удар нанесён. Теперь нужно было закрепить успех. Он приказал выставить головы павших карфагенян на кольях перед городскими стенами – по варварскому, но красноречивому обычаю, понятному всем местным племенам.

Весть о падении Гиппон-Диаррита и жестокости расправы разнеслась по округе моментально. На следующий день к римскому лагерю потянулись делегации от окрестных племён. Их вожди, смуглые, хитроглазые мужчины в плащах, с татуировками на лице в виде геометрических узоров, привозили дары: отары тощих овец, корзины фиников, козы бурдюки с кис-

лым молоком. Их речи были полны лстивых заверений в вечной дружбе и ненависти к карфагенским угнетателям. Сципион принимал их в своей походной палатке. Он был вежлив, но холоден. Раздавал мелкие подарки – серебряные фибулы, стеклянные бусы, железные ножи. Но всерьез не воспринимал никого. Эти люди, как тростник, гнулись туда, где сила. Сегодня – к Риму, завтра снова к Сифаксу, к Карфагену, потом обратно. На них можно было рассчитывать лишь как на источник информации и лёгкой добычи, но не как на союзников.

А настоящий союзник Сципиона появился на седьмой день после высадки. На рассвете дозорные доложили о большом облаке пыли, движущемся с юго-запада, со стороны внутренних равнин. Лагерь мгновенно пришёл в состояние боевой готовности. Легионеры заняли позиции за частоколом, лучники и пращники рассыпались по флангам, баллисты были заряжены. Сципион, надев доспех, поднялся на невысокую наблюдательную вышку. По мере приближения стало ясно – это не стройные колонны армии, а хаотичное, хотя и быстрое, движение. Из золотистой мглы вынырнула группа всадников. Их было не больше двухсот. Кони были тощие, с запавшими боками. Всадники были одеты в потрёпанные плащи, их доспехи, если они были, скрывались под слоем дорожной грязи. Во главе их скакал человек, чья осанка, даже в этом жалком виде, выдавала в нём высокий ранг. Он подскочил к самому частоколу, не обращая внимания на нацеленные в него пилумы и стрелы, и крикнул:

–Римляне, где ваш вождь, Публий Корнелий Сципион? Он искал меня, я –Массинисса, сын царя Галы, законный принц Нумидии.

Сципион спустился с вышки и быстрым шагом вышел к воротам. Он заранее знал о возможном появлении изгнанного нумидийского принца –разведка и контакты с местными племенами давали скудные, но все-таки ценные сведения. Но реальность не совпала с ожиданиями. Перед ним была не грозная армия, а обычный беглец. Лицо Массиниссы, с орлиным носом, высокими скулами и густой, вьющейся бородой, было опалено солнцем и устало. Его доспех состоял из потёртого кожаного панциря, усиленного бронзовыми чешуйками, и круглого нумидийского щита, обтянутого кожей.

–Открыть ворота, –приказал Сципион.

Массинисса соскочил с коня и, не выпуская поводьев, сделал несколько шагов вперёд.

–Публий Корнелий, –выдохнул он, и в его голосе звучало сочетание отчаяния и торжества. –Наконец-то ты прибыл, я слышал о твоих подвигах в Испании. А мне вот пришлось бежать от Сифакса, пса карфагенского. Он отнял у меня царство и отнял у меня женщину, обещанную мне, дочь Гасдрубала, сына Гисгона. Сейчас у меня нет ничего, кроме этих всадников и моей верности. Но я знаю эту землю как свою ладонь, я знаю слабости Сифакса. Я снова предлагаю тебе себя в качестве друга.

–Ты говоришь, у тебя ничего нет, –спокойно сказал Сципион. –Но ты принёс то, что мне нужно больше золота и солдат. Ты принёс глаза, которые видят то, чего не вижу я. И ноги –быстрые ноги твоей конницы. Входи, Массинисса, твои люди получают еду, воду и отдых. Пойдем со мной.

В палатке командующего над столом была разложена лучшая из имевшихся карт побережья, дополненная расспросами моряков. Массинисса, утолив первый голод и жажду, ожил.

–Смотри, Публий Корнелий. Здесь, у излучины реки, брод. Единственный на тридцать миль, где можно переправить колесницы и слонов. Здесь, в этих холмах –пастбища племени меккелов. Их стада снабжают Утику мясом и сыром. Захвати стада –город начнёт голодать. Еще Сифакс –старый лис. Он любит ставить лагерь там, где есть обильный источник воды для лошадей. Но он ленив. Его воины –кочевники, они терпеть не могут долгих осад. Им нужен простор, ветер в гривах их коней. А Гасдрубал, сын Гисгона, –он храбрец лишь тогда, когда за ним стена. Он будет сидеть в Утике, пока Сифакс не соберёт всю свою орду. Он боится встретиться с тобой в открытом поле. Он помнит твои подвиги в Испании.

–Твоя конница, –сказал Сципион, –как скоро ты сможешь её увеличить?

—Дай мне два дня, чтобы мои люди пришли в себя, и чтобы набрать новых; здесь, в округе, много молодых воинов моего племени, которые ненавидят Сифакса. Они придут, когда узнают, что я здесь, с римлянами. Через неделю у меня будет две тысячи всадников. Через месяц — пять. И они будут твоими, как и я.

Утика, «старая мать», как называли её финикийцы, была старше самого Карфагена. Её стены из массивных блоков песчаника, местами уже почерневших от времени и солёных ветров, видели много веков. Город лежал на широком мысу, с трёх сторон омываемом морем. Со стороны суши его прикрывала мощная двойная линия укреплений с башнями через каждые сто шагов. Гавань Утики, защищённая молами и укреплёнными островками, могла вместить до пятисот судов —это была идеальная база для флота, ключ ко всему северному побережью Африки. Сципион подступил к городу в середине сентября. Его армия, теперь усиленная отрядами Массиниссы, растянулась лагерем на холмах к востоку от города, перерезав все сухопутные коммуникации. С моря город блокировал флот. Сципион попытался действовать быстро, надеясь на эффект внезапности и деморализацию после падения Гиппон-Диаррита. Он выстроил армию в боевой порядок перед главными восточными воротами и отправил парламентёра. Послание было кратким: сдача города гарантирует жизнь и сохранность имущества горожан, сопротивление повлечёт за собой участь Гиппон-Диаррита.

Ответ пришёл быстро. На стенах появился карфагенский командир, Ганнон, одного имени с его знаменитым тёзкой, противником Сципиона в Испании. Этот был молодой, но хладнокровный аристократ.

—Римский консул! —крикнул он. —Утика —не деревушка, мы смеёмся над твоими угрозами. Уходи, пока можешь, или твои кости будут белеть на наших дюнах.

Вслед за словами на римлян обрушился град стрел и дротиков. Штурмовать город с ходу было бы безумием; Сципион отвёл войска и начал осаду. Работа закипела. Используя опыт, полученный при взятии крупных городов в Испании, римские инженеры и легионеры начали сооружать осадные линии. Они рыли ров и насыпали вал по всей окружности города, чтобы полностью изолировать его. Напротив главных ворот началось строительство гигантской осадной насыпи —земляного пандуса, который должен был позволить таранам и осадным башням подойти вплотную к стене. Но здесь, в Африке, всё было иначе, чем в Испании. Земля оказалась каменистой, с тонким слоем плодородной почвы. Каждый удар кирки встречал сопротивление пластов песчаника. Деревя для построек, особенно для огромных осадных башен, катапульт и таранов, поблизости не было. Его приходилось везти за двадцать миль, из ущелья у подножия гор. Работа продвигалась мучительно долго. Защитники Утики, под командованием Ганнона, оборонялись яростно и изобретательно. Они не сидели сложа руки. Ночью они совершали вылазки небольшими мобильными отрядами, вооружёнными факелами и смолой. Их целью были римские осадные машины и склады древесины. Несколько раз им удавалось поджечь почти готовые сооружения, заставляя римлян начинать работу заново. Они использовали свои метательные машины, установленные на стенах, с большой точностью обстреливая рабочих. Особенно досаждали тяжёлые камнемёты, которые швыряли глыбы, сокрушая щиты и укрытия.

Сципион ежедневно объезжал позиции, часто под стрелами. Он видел нарастающую усталость в глазах солдат. Его армия, непобедимая в чистом поле, увязла в грязной, изматывающей позиционной борьбе. А время, тот самый ресурс, которого у него было меньше всего, работало против него. Каждый день осады давал Карфагену драгоценную возможность собрать силы для деблокады. Массинисса, чья конница теперь патрулировала степь на десятки миль вокруг, привёз весть, которой Сципион опасался больше всего.

—Они идут, Публий Корнелий. Сифакс двинулся из своей столицы, Цирты. Он собрал всех воинов. Мои разведчики говорят —не меньше тридцати тысяч всадников. Лёгких, на быст-

рых конях. И ещё двадцать тысяч пехоты – нумидийские копейщики и лучники. А из Карфагена вышел Гасдрубал, сын Гисгона, с карфагенской гражданской милицией, ливийскими наёмниками и со слонами. Я насчитал знамёна двадцати пехотных отрядов и не менее пятидесяти боевых слонов. Они договорились соединиться в трёх переходах отсюда, у реки Баграда.

Даже вместе с нумидийцами Массиниссы, число которых действительно выросло до четырёх тысяч, силы Сципиона не превышали сорока тысяч. А против него шла объединённая армия, по самым скромным подсчётам, в восемьдесят тысяч. И это – не считая гарнизона Утики, который мог ударить в спину. Военный совет, созванный в тот же вечер, был мрачным. Лица легатов и трибунов, освещённые колеблющимся светом масляных ламп, были напряжёнными.

– Мы не можем брать Утику, пока у нас за спиной такая сила, – констатировал Гай Лелий. – Они раздавят нас, как между молотом и наковальней. Осаду надо снимать.

– Но, если мы отступим от стен, мы потеряем инициативу, – горячо возразил молодой военный трибун. – Мы покажем свою слабость. Берберы, которые перешли на нашу сторону, снова побегут к Сифаксу. Мы потеряем лицо.

– Если мы останемся здесь и позволим себя окружить, мы потеряем армию, а с ней и проиграем войну, – произнёс Сципион. Он встал и подошёл к карте, натянутой на раме. – Мы не можем принять бой в открытом поле. Их конница – особенно лёгкая нумидийская – окружит нас, изматает, расстреляет из луков, и мы не сможем ничего сделать. Нам нужно место, где мы сможем нейтрализовать их преимущество в подвижности. Место, где наш фланг будет защищён.

Его палец опустился на узкий, длинный скалистый мыс, вдававшийся в море в нескольких милях к северу от Утики. На карте он был помечен как «Каменный Утёс».

– Мы отступим сюда. Это полуостров длиной в две мили и шириной в самой узкой части – не более трёхсот шагов. С трёх сторон его омывает море. Подходы с моря круты и скалисты – высадка невозможна. С суши – только этот узкий перешеек. Мы возведём там двойной вал, двойной ров, частокол и башни. Они не смогут использовать свою численность. Они будут вынуждены атаковать в лоб, по узкому фронту, где наша тяжёлая пехота будет иметь подавляющее преимущество. Мы загоним себя в клетку, но сделаем её такой крепкой, что ни один хищник не сможет в неё вломиться.

Отступление от Утики было проведено с такой же безупречной дисциплиной, как и высадка. За одну ночь, под прикрытием темноты и конницы Массиниссы, легионы снялись с позиций, погрузили на повозки наиболее ценные осадные орудия и организованно отошли на север, к «Каменному Утёсу». Флот перебазировался к его берегам, встав на якоря в небольшой, защищённой от ветров бухте. Мыс действительно был идеальным естественным укреплением: длинная, плоская скала, поросшая лишь жёсткой травой и колючками, с обрывистыми берегами. Перешеек, соединявший его с материком, был так узок, что двадцать человек, взявшись за руки, могли бы перекрыть его. Не теряя ни часа, Сципион бросил всю армию на строительство укреплений. Работа кипела день и ночь, в три смены. На перешейке были выкопаны два глубоких рва: внешний – шириной в двадцать футов и глубиной в десять, внутренний – поменьше. Земля из рвов пошла на насыпь двух валов. На внешнем валу был возведён частокол из заострённых брёвен, на внутреннем – построен деревянный палисад с бойницами для лучников. По краям перешейка, там, где скала начинала понижаться к морю, были возведены две каменные башни, на которых установили тяжёлые баллисты и скорпионы, способные простреливать фланги любого наступающего. Внутри мыса, используя неровности рельефа, разбили укреплённый лагерь: ряды палаток, штаб, лазарет, склады. Флот обеспечивал снабжение с моря – провиант, воду, дерево, боеприпасы. Сципион создал неприступную крепость.

Карфагенско-нумидийская армия подошла через неделю. Зрелище было грандиозным и пугающим. Со стороны материка, насколько хватало глаз, растянулся лагерь. Справа, ближе к

степи, раскинулись бесчисленные низкие палатки нумидийцев Сифакса –огромный, шумный, пёстрый город кочевников. Оттуда доносилось ржание лошадей, звуки барабанов, дикие песни. Слева, ближе к дороге на Утику, стоял лагерь карфагенян Гасдрубала –более упорядоченный, с рядами палаток, осадными машинами и загонами для слонов, откуда время от времени раздавался рёв этих гигантов. Ночью с римского вала это море огней казалось звёздным небом, опрокинутым на землю. Гасдрубал и Сифакс, уверенные в своём превосходстве, отправили к Сципиону парламентёров. Сципион принял послов у ворот своего лагеря, даже не приглашая их внутрь.

–Консул Публий Корнелий Сципион. Ты вторгся на землю, которая не принадлежит тебе и никогда не будет принадлежать. Ты видишь силы, собранные против тебя. Они достаточны, чтобы смести тебя и твоё жалкое войско в море. Прояви мудрость, которой ты, как говорят, обладаешь. Вернись на свои корабли и отплыви обратно в Италию. Мы даём тебе свободный проход. Если останешься, то в Карфагене будут пировать, используя твой череп как чашу.

–Передайте Гасдрубалу и Сифаксу, что римляне не привыкли получать указания от врагов. Мы пришли сюда по своей воле и уйдём также по своей. А что касается ваших сил –я вижу много пыли и шума. Если вы хотите попробовать нас смести в море, пусть приходят и пробуют.

Лагерь стал для римской армии одновременно крепостью и тюрьмой. Началась изматывающая зимовка. Средиземноморская зима в Африке была не столько холодной, сколько влажной и ветреной. С севера, с моря, дули пронизывающие до костей ветра, приносившие с собой солёные брызги, а на голой скале не было укрытия. Деревя для костров катастрофически не хватало, его приходилось доставлять на кораблях из Сицилии или с риском покупать у прибрежных племён. Провиант, хотя флот и обеспечивал подвоз, был однообразен и скуден: зерно, часто уже не лучшего качества, солёная рыба, немного оливкового масла и вино. Свежего мяса почти не было, потому как вылазки за скотом были слишком рискованны. Болезни не заставили себя ждать: сырость и скудное питание привели к вспышке лихорадки и цинги. Лазарет был переполнен. Каждое утро из лагеря выносили несколько тел, которые сбрасывали в море с короткой молитвой. Сципион сознательно делил с солдатами все тяготы. Он спал в такой же кожаной палатке, ел ту же похлёбку из чечевицы и ячменя, что и рядовые legionеры. Он ежедневно обходил караулы, заглядывал в палатки к больным. Его выносливость и спокойствие стали легендой и главным моральным стержнем армии. Когда у заболевшего лихорадкой трибуна сорвало ветром палатку, Сципион приказал отдать ему свою. Массинисса со своей конницей тоже не сидел без дела. Его отряды, пользуясь знанием местности, умудрялись пробираться сквозь блокаду нумидийцев Сифакса. Они совершали молниеносные налёты на обозы противника, угоняли скот, добывали информацию. Однажды он привёл в лагерь двух пленных карфагенских офицеров из свиты Гасдрубала. Допрос, который Сципион провёл лично, выявил трещину в позиции противника. Сифакс тяготился долгой осадой. Его нумидийцы были недовольны. Им было тесно в лагере, они тосковали по просторам, по ветру в гривах своих коней, по своим стадам, оставшимся без присмотра. Гасдрубал, понимая, что без нумидийской конницы его пехота уязвима для вылазок Сципиона, из кожи вон лез, чтобы удержать их. Он устраивал пиры, посылал дары командирам –золото, вино, даже рабынь. Но трещина зрела: двум хищникам, карфагенскому льву и нумидийскому волку, было тесно в одной берлоге. Эту трещину нужно было расколоть ударом тарана. Сципион вызвал к себе Гая Лелия и Массиниссу.

–Мы не можем пробить их лобовой атакой. Но любую стену можно обрушить. Массинисса, ты знаешь Сифакса, что для него дороже всего в этом лагере?

–Его слабость –тщеславие, а сейчас у него появилась новая слабость –роскошная жизнь после союза с Карфагеном. Даже сейчас он живёт в деревянном дворце, который велел построить для себя посреди лагеря. Он окружил себя карфагенскими музыкантами, танцовщицами, поварами. Его командиры завидуют, но боятся сказать ему всё в лицо.

–Деревянный дворец –это хорошо, Гай, а какая у нас стоит погода уже третью неделю?

–Очень сухая, сейчас ветра с востока, с пустыни, ни капли дождя.

–Посмотри на них, –Сципион подошел к выходу из палатки и откинул полог, указывая в сторону дымящихся вдалеке вражеских станов. –Два лагеря, два полководца, два народа, что их связывает?

–Ненависть к нам и страх.

–Нет, их связывает выгода. Сифаксу Карфаген пообещал земли и признание его царём всей Нумидии. Гасдрубалу Сифакс нужен как меч против нас. Но что произойдет, если выгода одного окажется под угрозой из-за другого? Если мы предложим альтернативу?

Лелий нахмурился.

–Ты хочешь проводить переговоры с врагом? Ты уже пытался, помнишь: когда мы были в Испании, ты ездил к нему, и я ездил, мы договорились, а в итоге он нас предал и стал служить Карфагену. И сейчас Сифакс снова предлагал мир, если мы уйдем из Африки, и ты отказал ему.

–Я отказал тогда, –поправил его Сципион. –Потому что тогда у нас не было информации. Мы не знали их лагерей, их сил, их настроений. Мы были слепы, а что делает слепой, когда не может драться?

–Он притворяется, что видит? –предположил Лелий.

–Он прислушивается и просит поводыря. Мы попросим Сифакса провести нас к миру и потом сделаем ход, который спасет нас.

Первым шагом стратегии Сципиона стала тонкая, незаметная работа с собственным лагерьем. Через центурионов и трибунов среди солдат начал распространяться тщательно дозированный слух. Шепотки о долгой войне, о домах в Италии, о том, что сенат скупится на подкрепления, что союзники ненадежны. Сципион лично провел несколько встреч, где с усталостью пожаловался на политические интриги в Риме и давление. Он позволял слухам утечь, как вода сквозь пальцы. Параллельно к Сифаксу под предлогом обмена пленными отправили делегацию во главе с опытным дипломатом, бывшим квестором Титом Манилием. В его задачу входило вести переговоры, наблюдать и сеять семена слухов. Манилий, человек обаятельный и красноречивый, казалось, был потрясен роскошью и пышностью двора Сифакса. Царь, вознесенный на вершину могущества союзом с Карфагеном и браком с Софонибой, дочерью Гасдрубала, принял римлян с высокомерием.

–Ваш Сципион –храбрый воин, но упрямый как осел, –заявил Сифакс, попивая вино из золотой чаши, инкрустированной гранатами. –Он мог бы иметь мир и дружбу великой Нумидии, но решил вторгнуться на наши земли.

–Консул Сципион ценит силу и мудрость, о царь, –отвечал Манилий, почтительно склонив голову. –Но иногда мудрость заключается в умении видеть меняющийся ветер. Рим устал от войны. Италия стонет под пятой Ганнибала. Может быть, пришло время новым людям, с новыми идеями, взять на себя бремя поиска мира?

Сифакс от этих слов улыбнулся, обнажая весь ряд белоснежных зубов. Закончив, Манилий вернулся с докладом, где рассказал про тщеславие Сифакса, его зависимость от мнения молодой жены, скрытое напряжение между нумидийцами и карфагенянами.

–Они презирают друг друга, –сказал Манилий Сципиону. –Карфагеняне считают нумидийцев дикарями, а те в ответ злорадствуют, что карфагеняне вынуждены просить у них помощи. Гасдрубал едва скрывает раздражение, когда Сифакс обращается к нему как к подчиненному. А Софониба держится как истинная царица. Она –ключ к своему отцу и к своему мужу. И она ненавидит Рим всей душой; она считает, что это Рим виноват в том, что ей навязали старого мужа.

Сципион слушал молча. –Итак, у нас есть тщеславный царь, раздраженный полководец, мстительная царица и горячий материал. Ты рассмотрел детали их лагерей?

–Абсолютно, консул. Там дерево, тростник, ткань, кожа, никаких каменных построек.

–Хорошо, дальше мы отправим официальное посольство с предложением возобновить мирные переговоры с моим личным участием.

Решение Сципиона лично встретиться с врагами вызвало бурю в его собственном штабе. Старшие легаты, ветераны многих кампаний, были в ужасе. Это было невиданное унижение для римского полководца –самому ехать в лагерь варваров и просить мира. Это подрывало престиж; кроме этого, посольство могли захватить в заложники или убить.

–Они не сделают ни того, ни другого, –спокойно отвечал Сципион на военном совете. –Убийства послов под белым флагом не будет, потому что Сифакс хочет выглядеть великим царем в глазах всего мира, а не дикарем. А взять в заложники для чего? Армия от этого не уйдет. Нет, они примут меня с показной пышностью, будут наслаждаться зрелищем римского консула, униженно просящего мира.

Он не убедил их окончательно, но все-таки заставил подчиниться его воле. Были составлены тщательно продуманные предложения. Рим соглашался уйти из Африки в обмен на гарантии безопасности и скромную компенсацию за понесенные расходы. Это была издевательская мелочь, призванная одновременно показать уступчивость и задеть гордость карфагенян. Сципион понимал, что Гасдрубал никогда на это не пойдет. Но это и не требовалось. Требовалось начать диалог.

Делегация выехала на рассвете. Сципион, в парадной позолоченной кирасе и алом плаще полководца. За ним –Лелий, двое старших трибунов, переводчики и два десятка конных телохранителей из числа испанской знати, чьи пестрые плащи и украшенное оружие должны были создавать впечатление роскоши. И среди них, в скромной одежде слуг и конюхов, –десять специально отобранных людей с хорошей памятью и наблюдательностью. Проезд через лагерь Сифакса стал для Сципиона неожиданным. Он видел не армию, а мигрирующий город. Женщины мололи зерно на каменных жерновах, дети бегали между хижинами, ремесленники чинили сбрую. Дисциплина отсутствовала, воины спали, играли в кости, пили. Охрана на валах была минимальной. А вот лагерь Гасдрубала, видный в отдалении, представлял разительный контраст –правильные линии палаток, чистые улицы, дозоры на валах. Но и он был уязвим: карфагеняне, очевидно, чувствовали себя в безопасности под крылом огромной нумидийской армии и не удосужились построить серьезные укрепления на стыке с союзником. В царском шатре их ждал прием. Сифакс восседал на троне, сделанном из черного дерева, в плаще с золотыми нитями. Гасдрубал сидел справа на более простом кресле, его поза была напряженной. Софониба занимала место слева от мужа. Церемонии были долгими и пышными. Сифакс явно наслаждался моментом. Наконец, слово было дано Риму, Сципион встал. Он выглядел усталым –от бремени ответственности, от долгой войны.

–Царь Сифакс, досточтимый Гасдрубал, сын Гискона. Я пришел как человек, несущий тяжесть решений, от которых зависят жизни десятков тысяч. Рим вел войну с Карфагеном много лет. Мы сражались в Италии, на море, в Испании, теперь –здесь. И ради чего? Чтобы продолжить этот бесконечный круг?

Он сделал паузу, давая переводчику закончить, и его взгляд обвел собравшихся нумидийских вождей.

–Мой народ устал, сенат Рима полон стариков, которые не видели сыновей десятилетиями. Поля Италии горят от факелов Ганнибала. Зачем нам продолжать это в Африке? Вы защищаете свою землю. Мы это понимаем, и мы предлагаем вам мир. Рим уходит из Африки. Все наши войска садятся на корабли и отплывают. Мы отказываемся от всех претензий на эти берега. Взамен мы просим лишь одного: чтобы Карфаген отозвал Ганнибала из Италии. Пусть границей между нашими мирами станет море. И пусть великий царь Сифакс, –он специально повернулся к нумидийцу, –станет гарантом этого мира между двумя великими державами. Его слава будет сиять ярче солнца после этого.

Предложение делало Сифакса центральной фигурой, льстило его тщеславию. И оно было заведомо неприемлемо для Карфагена. Отозвать Ганнибала означало признать поражение в Италии, отказаться от всех завоеваний, потерять лицо.

Гасдрубал ответил первым. Он вскочил, его лицо побагровело.

–Ты смеешь предлагать нам капитуляцию? –закричал он. –Ганнибал стоит у ворот Рима, и он никуда не уйдет. Карфаген никогда не признает твоих разбойничьих захватов в Испании. Ты хочешь мира? Тогда отдай Испанию, заплати контрибуцию в десять тысяч талантов серебра и передай себя и своих офицеров в качестве гарантов выполнения.

Это была явно завышенная, эмоциональная реакция. Сципион не дрогнул, лишь печально улыбнулся.

–Видите ли, досточтимый Гасдрубал, мы оба просим невозможного. Вы –моей капитуляции, я –вашего благоразумия. Может быть, истина, как всегда, где-то посередине?

Сифакс, чье эго было польщено до крайности, вмешался.

–Спокойствие, Гасдрубал, консул говорит как мудрый человек. Избежать войны будет выгодно всем. –Он обвел взглядом своих вождей, многие из которых кивали. Им война с Римом была не нужна. Они уже получили от Карфагена обещания земель и деньги. –Ваши предложения, Сципион, интересны, но они требуют обсуждения.

–Я и не прошу вас соглашаться сразу, великий царь, –мягко сказал Сципион. –Я прошу вас рассмотреть их и спасти от ненужной гибели тысячи ваших воинов. Рим может стать другом Нумидии. Мы можем признать все ваши владения, все ваши права. Мы можем даже рассмотреть вопрос о торговых привилегиях в портах, которые, возможно, в будущем пожелают иметь еще одного надежного защитника.

Это была уже почти открытая попытка подкупа и стравливания. Гасдрубал заскрипел зубами. Софониба наклонилась к мужу и что-то быстро прошептала на ухо. Сифакс слушал её, затем кивнул.

–Эти переговоры слишком важны, чтобы решать их в спешке, –провозгласил царь. –Ты останешься нашим гостем сегодня, Сципион. Мы устроим пир, а завтра мы продолжим.

Отказываться было нельзя, и Сципион согласился с изящным поклоном. Для его шпионов это был подарок судьбы.

Пир был великолепным по своему размаху. Резали целых быков и баранов, вино лилось реками. Нумидийские сказители пели песни о подвигах предков, танцоры кружились в бешеном ритме под бой барабанов. Сципион, теперь сидевший по правую руку от Сифакса, вел себя безупречно, восхищался силой нумидийских воинов, мудростью царя, красотой его страны. Он ел и пил умеренно, но не отказывался ни от чего, демонстрируя доверие. Лелий, сидевший рядом, был напряжен как струна, его рука то и дело непроизвольно тянулась к рукояти кинжала, скрытого под одеждой. Гасдрубал присутствовал, но был мрачен и почти не разговаривал. Он видел, как его союзник снова попадает под обаяние римлянина, как его вожди уже обсуждают возможные выгоды от мира. Софониба, напротив, была оживлена. Она задавала Сципиону тонкие, колкие вопросы о Риме, о его семье, о его амбициях, а когда царь не видел –аккуратно спрашивала о Массиниссе. Она пыталась прощупать, найти слабое место, но Сципион отвечал уклончиво, с вежливой улыбкой. Под этой улыбкой он скрывал восхищение ею: эта женщина была опасна. У нее была цель –могущество Карфагена и Нумидии под ее влиянием –и она не собиралась от нее отступать. Поздно ночью, когда пир пошел на спад, Сципиону под предлогом необходимости освежиться позволили выйти из шатра в сопровождении двух слуг царя. Проходя по спящему лагерю, он запоминал детали: где находились главные колодцы, как были сложены горючие припасы –дерево для костров, масло для светильников, где располагались коновязи для царской конницы.

Утром переговоры возобновились. Они шли по кругу. Сципион слегка сдавал позиции: Рим соглашался оставить Карфагену часть южной Испании, выплатить символическую контрибуцию. Гасдрубал, под воздействием Сифакса, смягчался, но незначительно. Царь же все больше вживался в роль миротворца. К полудню было решено, что стороны возьмут паузу для консультаций. Сципиона с почетом проводили к воротам лагеря. А затем, в безопасности римских укреплений, состоялся детальнейший разбор. Каждый наблюдатель докладывал о своем секторе. На большом листе папируса начали рисовать подробнейшую карту. На ней были отмечены палатки и склады, где спали самые ненадежные союзники, где – офицеры карфагенян, где проходили тропы.

В следующие десять дней в лагерь Карфагена потянулась вереница римских послов с новыми, все более уступчивыми предложениями. С каждым визитом они привозили богатые дары Сифаксу и его жене – греческие сосуды, ткани, украшения. Карфагенянам дарили меньше, но и им перепало, чтобы не вызывать откровенной зависти. Римские послы нахваливали мудрость Гасдрубала, его преданность отечеству, намекали, что в случае мира он станет величайшим героем Карфагена, затмив даже Ганнибала, который только втянул страну в бесконечную войну. И наконец, Сципион отправил последнее, решающее посольство. Во главе его встал Лелий, что должно было подчеркнуть важность момента. Послание было актом уничижения: Рим соглашался на почти все условия Карфагена: полный уход из Испании, контрибуция в пять тысяч талантов, оставление заложников из числа римских всадников. От Сципиона требовалось лишь одно – гарантия личной безопасности и сохранения лица перед сенатом. Он просил три дня, чтобы уговорить последних строптивых офицеров, и предлагал заключить предварительное перемирие, скрепленное клятвами перед богами. Лагерь Карфагена, когда Лелий зачитал эти условия, ликовал. Сифакс велел заколоть дюжину откормленных быков и раздать вино всем воинам. Гасдрубал, впервые за многие недели, позволил себе широкую улыбку победы. Даже Софониба смягчила свой взгляд. Три дня – через трое суток позор Рима будет окончательным и бесповоротным. Охрана на валах была ослаблена до минимума. Лелий вернулся в римский лагерь глубокой ночью.

– Они купились, лагерь Сифакса пирует, карфагеняне от них не отстают. Караулы едва стоят на ногах. Завтра они будут отсыпаться, а послезавтра – ожидать нашего визита с капитуляцией.

В палатке римского командира при свете одной-единственной лампы собрались командиры.

– Лелий, твои люди готовы?

– Готовы, Публий, каждый знает свой участок и цель.

– Массинисса?

– Мои уже на позициях в пяти милях к востоку. Они перехватят беглецов.

– Легаты, как легионы?

– Спят, но в полном вооружении. Центурионы получили приказ: будить тихо, строиться без шума.

Сципион обвел взглядом собравшихся – Лелия, суровых легатов, командиров. В их глазах он читал решимость, страх перед неизбежным и ужас перед тем, что они задумали.

– Сегодня мы навсегда покроем свои имена позором, но изменим ход этой войны. Боги Рима, простите нас. Но я делаю это для Республики, чтобы наши сыновья не гибли здесь через десять лет.

Глава 5. Пламя, увиденное с высоты.

Fata viam invenient.

<i>Судьба найдёт свой путь.</i>

Эфир –эта реальность, где реки текут из мёда и молока лишь в убогих человеческих сказках, а сущности, которых зовут богами, пребывают в состояниях, для которых в языке смертных нет и не может быть точных слов. Это реальность бесконечности восприятия, где мысль рождает целые вселенные, а воля высекает звёзды. Здесь нет мест, но есть точки сосредоточения воли, фокусы колоссального внимания, сгустки сил, которые люди, в тщетной попытке понять, окрестили именами и облекли в плоть мифов. И в эту ночь их внимание было приковано только к одному человеку, рождённому по их воле.

–Наконец он там, где должен быть, –прозвучал голос Юпитера. –Наш сын переплыл море. Он переступил через барьер, сделал то, что предназначено ему судьбой. Он принёс с собой меч, принёс нашу волю. Он действует в рамках дозволенного нами: пусть делает что задумал, а я буду наблюдать.

Марс взревел. Звук был таким, что в мире людей в ту ночь случились сотни спонтанных землетрясений вдали от тектонических разломов, а волки от Апеннин до Альп завывали в один голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.